

Отъ Съчи Запорожской

Устное повѣствованіе,
бывшаго запорожца,
жителя Екатеринославской
губернии и уѣзда,
селенія Михайловки,
Никиты Леонтьевича Коржа

201/1
v-66

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ,

ВЫВШАГО ЗАПОРОВЦА,

ПИСАТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ И
УЕЗДА, СЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКИ,

ШИШКОВЫ ЛЕОНТЬЕВИЧА

КОРЖА.

ОДНОМЪ.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ Одесса.
1842 года.

Цензоръ К. Золотницкій

Приложение к газете "Собор"

Репринтное издание

Днепропетровск, 1991г.

Архиву
Министерства
на документах
патриарха, от
козака Фомы ИИ.
г. Орденом
Евфр

Предисловіе

Въ журналѣ, издаваемомъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ книгахъ V-й 1838 и II-1839 годовъ, о Запорожскихъ козакахъ было помѣщено нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ: "Изуствныя преданія о Новороссійскомъ краѣ". Источникъ, изъ котораго почерпнуты преданія сіи, - бывший Запорожець Никита Леонтьевичъ Коржъ, жившій не менѣе ста четырехъ лѣтъ.

Когда Коржевы преданія столь счастливы, что они обратили на себя благосклонное вниманіе ученыхъ Обществъ и просвѣщенныхъ мужей, въ особенности любящихъ отечественную исторію: то мнѣ показалось, что Коржу чести, а ученымъ Обществамъ и мужамъ просвѣщеннымъ удовольствія тѣмъ болѣе будетъ, если преданія старца издадутся въ оригинальномъ его тонѣ, т.е. въ тѣхъ самыхъ словахъ, выраженіяхъ, оборотахъ, словомъ, въ томъ самомъ разсказѣ, какимъ они вылились изъ устъ самаго автора. Мысль моя коснулась здѣсь и лестной моею Одесскому Историческому Обществу, чрезъ именованіе членомъ онаго, принадлежности, изъ которой вытекаетъ непремѣнная обязанность, дѣйствовать. Сими убѣдясь, я и рѣшился, издать Коржевы преданія въ оригинальномъ его тонѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній и объясненій.

Но какъ они въ этомъ тонѣ попались мнѣ въ руки? Отвѣтъ кратко: прежде однако обязываюсь, вспомнать почтеннаго моего сотрудника, Преосвященнаго Іакова Епископа Саратовскаго. Оба мы, каждый въ своемъ званіи и должностяхъ, жили съ 1828 года по 1831 годъ въ Екатеринославѣ, гдѣ бесѣдовали съ нами и Никита Леонтьевичъ Коржъ. И такъ, онъ разсказывалъ старое Запорожское свое житье-бытье, а мы слово въ слово записывали. И когда соединили между собою отрывки: вышла книжица.

Исполненный долготою мирныхъ дней Никита Леонтьевичъ скончался въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, сдѣлавшись больнымъ

отъ простуды, которую получили, занимаясь сборомъ добродетельныхъ подаяній на новостроенную въ селѣ Михайловкѣ деревянную церковь, вмѣсто бывшей тутъ, но отъ молніи сгорѣвшей. Событіемъ Коржа церковь въ Михайловкѣ дѣйствительно возстановилась; и при подножіи олтара ея ищи преданій источника, кому онъ пріятель!).

Жиль онъ въ с. Михайловкѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, который доставши ему отъ его предковъ, чистыхъ Запорожцевъ, и самъ собою, т.е. и старостью своею, и видомъ крайне занималъ всѣхъ пробѣжившихъ тѣмъ селомъ, простыхъ и знатныхъ людей, изъ коихъ многіе потому у Коржа и ночлеги весьма часто имѣли. Слѣдовательно не безнадежно, что усопшій, многолѣтній старикъ сей, кромѣ воспоминанія о немъ на землѣ, не лишается, за любовь къ ближнимъ своимъ, за страннопріимство, славы и на Небеси. Въ лонѣ Авраама, отца вѣрующихъ, вѣроятно покой его. По крайней мѣрѣ да будетъ ему сіе, мы, оставшіеся здѣсь, да воспросимъ отъ Господа Вседержителя.

Мѣстоположеніе всего вообще, старозаведеннаго, въ Михайловкѣ, жилища Коржева довольно замечательно для любопытныхъ. Оно, будучи обсажено вѣковыми деревьями и кругомъ обтекаемо рѣчкою, тонкою, почти какъ нить и извиющеюся, какъ плось около древа, образуетъ собою совершенный островъ. Нѣкто изъ пробѣжавшихъ снялъ съ сего мѣста картинку, и прибавилъ къ ней слѣдующій, изъ пѣсни Запорожской, отрывокъ, всегда, подъ веселый часъ, Никитою Леонтьевичемъ пѣтый:

Ой сичь маты,

Ой сичь маты;

У лузи заробиты,

А въ Сичи пропиты.

Льщусь надеждою, что книжица сія не недостойтся того точно благосклоннаго просвѣщеннаго мужей вниманія, коего ожиданіемъ я поощренъ былъ къ ея изданію. Впрочемъ, если сего и не будетъ: я утѣшусь, вспомнивъ сказанное однимъ изъ древнихъ: *si non ferat, tamen ceras* т.е. (не по буквальному переводу) если книжица и недостойна вниманія, по крайней мѣрѣ она не пропадетъ; и Коржевы подлинныя устныя преданія не исчезли.

Гаврииль, А.Х. и Т.

16 Мая 1842 года.

Глава I

О жизни Н. Л. Коржа.

Я уроженецъ Новыхъ-Кодакъ, въ кои зашли мои предки на жительство изъ Малоросіи т.е. изъ Гетманщины, что нынѣ Полтавской губерніи городъ Коббляки. 1-й изъ нихъ былъ прадедъ Василій Жаданъ по фамиліи, жилъ на свѣтѣ 85 лѣтъ; 2-й, дѣдъ Тарасій Жаданъ, жилъ на свѣтѣ 89 лѣтъ, и предъ смертію за полтора года ослѣпъ, его я довольно помню и вожу бывало за руку, по причинѣ его слѣпоты; 3-й, отецъ мой Леонтій фамиліею не Жаданъ, но Таранъ, такое прозваніе получилъ онъ отъ куреня Запорожскаго, и жилъ на свѣтѣ 115 лѣтъ, а мать звали Марією, которая также померла въ глубокой старости и погребена въ моемъ саду, гдѣ нынѣ мое теперь жительство.

Всѣ оныя мои предки находились по смерти в Новыхъ-Кодакахъ безотлучно, жили добродѣтельно и благочестиво по Христіанскому обряду; занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею, а иногда и звѣриною охотою. Ибо тогда во время Запорожья, вездѣ надъ Днѣпромъ, съ обѣихъ сторонъ были сильныя и густыя лѣса, и разнаго рода дикихъ звѣрей великое множество, о чемъ и я еще довольно помню.

Родился я въ томъ-же мѣстечкѣ - Новыхъ-Кодакахъ в 1731 году Мая 30 дня, и проживши при родителяхъ моихъ въ младенчествѣ до 7 лѣтъ, взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ моимъ отцомъ Яковомъ Емельяновичемъ Качаловымъ въ Сѣчь, въ которой онъ былъ тогда Старшиною т.е. Полковникомъ и Есауломъ Войсковымъ, а зимовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ, гдѣ нынѣ я проживаю, и на томъ самомъ мѣстѣ, и въ той самой хатѣ, которую самъ крестный отецъ мой выстроилъ, и которая хата до сего времени существуетъ, безъ всякой перестройки гораздо уже болѣе 100 лѣтъ. Она построена съ липоваго дерева рѣзанаго, и вся рубленна,

пространством небольшая, без всяких пристроек кромѣ сѣней.

Около хаты сей въ древности были терновые кусты, и небольшое расло берестовое дерево, гдѣ нынѣ высокій лѣс и садъ моими трудами разведенный. Отецъ мой крестный былъ холостъ и от юности не женатъ, который по атакованіи уже Сѣчи былъ пожалованъ от короны приміеръ-маіоромъ, жилъ на свѣтѣ 101 годъ. Я находился при немъ неотлучно по смерть его; а погребенъ онъ въ Новыхъ-Кодакахъ. Женился я еще за жизнь его, тоже въ Кодакахъ, на дѣвицѣ Парасковѣ. Дѣтей имѣлъ: 7 сыновей и 4 дочери, изъ коихъ нѣкоторые померли. Внуковъ имѣю 18 душъ, да правнуковъ 4 души, и всѣ они еще живы. Жена моя померла за 40 уже лѣтъ тому назадъ. С молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ разныхъ послушаніяхъ у крестнаго моего отца, какъ въ Сѣчи при куринѣ, такъ и въ зимовникѣ по его хозяйству; а послѣ женитьбы занимался я и самъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и садоводствомъ, и разными пристойными занятіями по хозяйству; а нынѣ уже оное хозяйство и всѣ оныя хлопоты домашнія поручилъ дѣтямъ, а занимаюсь только однимъ пчеловодствомъ подъ старость, да и то уже изнемогаю и преклоняюсь къ землѣ, отъ нея-же взять быхъ, и явъ уже есть, яко скоро въ ню подобаетъ ми возвратитися и преселитися къ предкамъ. Обаче не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Запорожскія, а прежде всего скажу о Михайловкѣ, въ коей я былъ осадчимъ и повѣреннымъ за землю; а потомъ буду говорить о Запорожской Сѣчи, о Екатеринославѣ, о Самарѣ и о прочихъ мѣстахъ и происшествіяхъ здѣшной украинны. Что-же касается до прозванія моего, отъ чего я называюся Коржемъ, о томъ упомянуто будетъ ниже, при описаніи Запорожскихъ обычаевъ.

Знаменитый вѣтъ отъ предковъ

Глава II

О началѣ селенія Михайловки

По смерти крестнаго моего отца Якова Качалова, когда я остался самъ на его жительство; то въ то время и на томъ самомъ мѣстѣ, не было никого изъ сосѣдовъ; а потомъ тамъ начали мало-по-малу населяться люди изъ разныхъ мѣстъ и селеній, то мѣсто называли "вольными великими хуторами", что и продолжалось черезъ нѣсколько лѣтъ, до послѣдованія именнаго указа въ 1800 году, коимъ велѣно хутора уничтожить, а жителей хуторянскихъ собрать въ одно мѣсто и поселить при трактовыхъ дорогахъ, и отнюдь не называть вольными хуторами, но селеніями. О каковомъ предметѣ т.е. объ утвержденіи и о наименованіи селенія въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я нынѣ нахожусь, по данной мнѣ отъ 3-хъ селеній: Кодака, Діевки и Сухачевки довѣренности, поелику изъ сихъ селеній населили-ся большею частію и хутора, подавалъ я просьбу въ Екатеринославскую казенную палату. Палата разсмотрѣвши мою просьбу, и освидѣтельствовавши чрезъ члена оной казенной палаты, ассесора Мартина Коваленка, мѣстоположеніе вольныхъ хуторовъ, и нашедши оное выгоднымъ и способнымъ для селенія, мѣсто утвердила и предписала указомъ волостному Діевскому правленію, о безпрепятственномъ населеніи около меня жителей. И когда умножилось селеніе, то по вторичной моей просьбѣ о наименованіи селенія, казенная палата опять того-же чиновника Коваленка откомандировала; и когда прибывши чиновникъ въ мой домъ и собравши все общество въ сходку, началъ по ряду всѣхъ спрашивать какимъ именемъ хотятъ они назвать свое селеніе? То иные сказали пусть будетъ Качаловивка! На имя первобытнаго здѣсь жителя Качалова, крестнаго отца Коржева.

А другіе то отрицали и говорили: Нѣтъ! Пусть будетъ Корживка, на имя повѣреннаго нашего Никиты Леонтьевича Коржа, поелику онъ первый по Качаловѣ житель и ходатай, какъ за сію землю, такъ и за прочія наши дѣла. Но я нехотя имѣть въ сей жизни славы и почестей, какъ себѣ, такъ и кресному моему отцу, а ожидая и желая оную получить въ жизни будущей, воспрепятствовалъ всѣмъ общественнымъ голосамъ и отнюдь на желаніе и приговоръ ихъ несогласіе. В слѣдствіе чего, видя чиновникъ г. Коваленко между нами несогласіе, изволилъ предложить всему обществу слѣдующее свое мнѣніе: послушайте г-да почтенное общество! Если вы несогласны утвердить ни того ни другаго разногласнаго вашего мнѣнія на счетъ названія селенія урочнымъ именемъ, то пускай будетъ селеніе ваше названо Михайловкою, на имя ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА! на что всѣ съ радостію и согласились - и когда о семъ отрапортовано было чрезъ г. чиновника, казенной палатѣ, то она утвердивши общее наше мнѣніе, предписала паки указомъ волостному правленію, дабы опубликовало всѣмъ сборнымъ избамъ объ утвержденіи и о названіи вольныхъ хуторовъ селеніемъ Михайловкою. Потомъ, когда гг. сосѣдніе помѣщики Петръ Петровичъ Папчинскій, бывшій тогда въ Кременчугскомъ губернскомъ правленіи секретаремъ и Алексѣй Ивановичъ Верминка, капитанъ изъ бывшихъ Запорожцевъ, завладѣли нашею казенною землею самоправно: Папчинскій отмежевалъ 3,000 десятинъ, а Верминка 1,500 десятинъ, и поелику Сухую-Суру занялъ Папчинскій, а Мокрую - Верминка, то казенныхъ поселенъ Кодачанъ и Діевцевъ, равно и Михайловскихъ жителей такъ утѣснили помѣщики, что до рѣкъ Суръ вовсе не было ни какого водопоя для скота; а меня совсемъ вытѣснили и выгнали изъ моего жилища и поселили въ дворѣ моемъ 8 семействъ своихъ крестьянъ, Папчинскій-же на своемъ участкѣ земли, у насъ отнятой, поселилъ двѣ слободы и тогда я скитался по чужимъ дворамъ съ малолѣтними дѣтьми сиротами, оставшимися отъ покойной жены моей. По каковымъ причинамъ, какъ я, такъ и прочіе поселяне Кодачане и Діевчане и Михайловскіе жители бывъ въ крайней обидѣ, вынудились собраться въ общую сходку и положить совѣтъ о выборѣ повѣреннаго, для ходатайства по судамъ за казенную землю, поступившую въ постороннія руки. И такъ общимъ совѣтомъ за всѣми моими отговорками, упросили меня быть повѣреннымъ не только за землю, но и за всѣ общественныя дѣла, какія-бы ни случились въ нихъ. На что я получивши довѣренность отъ нихъ, началъ ходатайствовать по оной, отъ нижнихъ судовъ и до высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Но не получая отъ нихъ ни какого удовлетворенія на мои апелляціонныя жалобы, чрезъ долгое время, и за всѣми

моими иждивеніями и убытками, вынужденъ уже утруждать моею просьбою г-дъ ревизоровъ: Кушелева и Алексѣева, кои по возшествіи на престоль ГОСУДАРЯ ПАВЛА I, присланы были въ то время въ Екатеринославъ. Они принявши отъ меня просьбу, тотчасъ предписали Екатеринославскому губернскому правленію, дабы съ моими вѣрителями, по силѣ моей просьбы былъ удовольствованъ, что вскорѣ было и учинено, и земля наша отъ г. Папчинскаго была возвращена и слободы его съ нашей земли были переведены на его землю. Но участокъ земли, находившійся въ рукахъ г. Верминки еще не былъ возвращенъ по той причинѣ, что онъ Верминка, за всѣми рѣшеніями ревизоровъ и губернскаго правленія, обставивъ оную землю своими просьбами еще и въ правительствующемъ сенатѣ, а потомъ, какъ за сію Верминкину землю, такъ и за Кодацкую, которая занята была тогда подъ городъ, а также и за вольную продажу горячаго вина, по силѣ откупа подавалъ я чрезъ почту ГОСУДАРЮ на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя двѣ просьбы съ ряду, но не получая на оныя ни какого извѣстія и рѣшенія чрезъ двугодичное протеченіе, рѣшилъ самъ лично побывать съ довѣренностію въ Москвѣ, Санктпетербургѣ. Прибывши в Москву 2), явился я въ 1-й департаментъ сената, гдѣ и получалъ за Верминкину землю рѣшительное удовлетвореніе въ пользу моихъ вѣрителей. А потомъ отправился въ Санктпетербургъ на счетъ Кодацкой земли, присоединенной къ городу, а также и за винный откупъ, по прежнимъ поданнымъ мною ГОСУДАРЮ просьбамъ, и явился къ господину Муравьеву, докладчику ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, который отыскавши мои просьбы, безъ надлежащаго хода, до прибытія моего находившійся, поднесъ ГОСУДАРЮ; а ГОСУДАРЬ помѣтя оныя отослалъ сенату на разсмотрѣніе, потомъ сенатъ, рѣша оное дѣло, предоставилъ на волю Кодацкимъ жителямъ, жить на городской землѣ и пользоваться одними правами и выгодами, которыя зависятъ по земству; о чемъ предписано было и военному губернатору Дюку Ришелье, а мнѣ выдана была копія рѣшенія, дабы я съ оною явился къ Екатеринославскому губернатору г. Берту. Что-же касается до виннаго откупа, то въ томъ мнѣ было отказано по той причинѣ, что контракты уже были заключены и утверждены; и велѣно мнѣ сказать, что если-бы я прибылъ туда-же раньше т.е. за мѣсяцъ или два предъ тѣмъ, то могъ-бы безъ труда получить свое удовольствіе и ГОСУДАРЬ въ томъ-бы уважилъ. И такъ я возвратясь изъ столицы за Божіею помощію, съ успѣхомъ прибылъ въ домъ свой благополучно и заслужилъ отъ вѣрителей моихъ благодарность и уваженіе, не себѣ одному, но и потомству моему.

Глава III

О Запорожской Сбчи

Когда именно и съ какихъ временъ Запорожье восприяло свое начало; о томъ достовѣрно утвердить немогу, но когда мои предки зашли на жительство въ сію украину, то въ тѣ поры оно уже существовало и по устному ихъ преданію чрезъ прадѣда, дѣда и отца моего дошло и до меня свѣденіе, что оныя Запорожцы въ древніе времена назывались Козарами. Поелику ихъ главное жительство было надъ Днѣпромъ пониже пороговъ, то и названы уже послѣ того чрезъ Гетмана Хмельницкаго, Запорожцами, и хотя они жили подъ державою Россійскою во времена блаженной памяти ПЕТРА ВЕЛИКАГО, но относились всѣми дѣлами своими до Хмельницкаго, а Россія до распоряженій ихъ, дѣла никакого не имѣла; Хмельницкій же Гетманъ имѣлъ тогда свое правительство въ Гетманщинѣ и командовалъ всѣми Гетманскими полками, состоявшими изъ Малороссійскихъ козаковъ, вмѣсто бывшаго измѣнщика Гетмана Мазепы 3). Земля Запорожская распространялась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, граничила она съ юго-западной стороны вверхъ по Днѣпру, отъ рѣки Буга, по рѣку Случь, смѣжно съ Польскою границею, а въ низъ по Днѣпру простиралась до великаго Лимана, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ, съ сѣверно-восточной-же стороны тоже вверхъ по Днѣпру простиралась она до рѣки Орели, которая впадала въ Днѣпръ, около мѣстечка Китай-города; за Орелью-же начиналась граница Гетманская, а въ низъ простиралась она по рѣку Конъ противу бывшей Сбчи и граничила съ Донскими Козаками и Крымскими Ногайцами.

Сбчъ, по всей Запорожской землѣ была тогда за моей памяти только одна; въ ней было главное Запорожское правительство подобно какъ въ Столицѣ. Она имѣла непремѣнное свое пребывание надъ рѣчкою Подпольною, недалече отъ Днѣпра, которая Подпольная и впадала въ Днѣпръ, на том самомъ мѣстѣ,

гдѣ теперь селеніе Покровское названіе получившее отъ Покровской Запорожской церкви, которая и донныи еще существуетъ. - Подпольная рѣчка такъ глубока, что лодки Запорожскія проходили ею въ Днѣпръ, а Днѣпромъ въ лиманъ, а изъ лимана въ Черное море, а такъ же и Греческіе лодки съ бакаліею и прочими товарами приходили симъ же путемъ до Сбчи, но далѣе пройти немогли Днѣпромъ по причине пороговъ. Въ Сбчи Запорожской было 40 куриней и 40 Отамановъ и каждый Отаманъ распоряжалъ своимъ куринемъ; а во всякомъ куринѣ считалось военныхъ козаковъ 1000, а въ иномъ куринѣ было и больше, кромѣ женатыхъ, жившихъ по зимовникамъ т.е. по хуторамъ въ разныхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, гдѣ кто себѣ мѣсто уподобалъ, но и они числились и принадлежали къ тѣмъ же куринямъ по названію; а въ Сбчи никого женатыхъ небыло. Всякой же куринъ имѣлъ свое названіе и именно: 1-й былъ Канивскій, 2-й Левушківскій, 3-й Плахтѣевскій, 4-й Вемедовскій, 5-й Стеблѣевскій, 6-й Ирклѣевскій, 7-й Щербиновскій, 8-й Пластуновскій, 9-й Переясловскій, 10-й Глушківскій, 11-й Дядьківскій, 12-й Уманскій, 13-й Деревянківскій, 14-й Корсунскій, 15-й Конивскій, 16-й Гадяцкій, 17-й Вербицкій, 18-й Шастуновскій, 19-й Мишастивскій, 20-й Пашківскій, 21-й Легушківскій, 22-й Полтавскій, и такъ далѣе до послѣдняго, коихъ еще остается 18-ть, о названіяхъ которыхъ, я подъ старость лѣтъ моихъ уже упомянулъ. Главное жѣ въ Сбчи правительство зависѣло отъ Кошевыхъ, коихъ въ теченіе времени, чрезъ всю бытность Запорожья было много перемѣнныхъ, то смертію, то другими случаями, но за моей памяти былъ Кошевымъ, Калнышъ, и жилъ долго, даже до атакванія Сбчи, Судьею былъ Касапъ, а Писаремъ Войсковымъ Глоба: сіи три члена составляли верховную власть и управляли всѣмъ Запорожьемъ.

Сбчинѣ, эта земля, на которой, по сказанію, гдѣ нынѣ селеніе Покровское, получило свое названіе отъ Покровской церкви, которая и донныи еще существуетъ.

Глава IV

Права запорожскія и законы

Права и законы по коимъ они рѣшали и судили тяжбныя дѣла, суть слѣдующія; и именно: во всѣхъ Запорожскихъ предѣлахъ, по знатнымъ селеніямъ и мѣстамъ устроены были Паланки, - родъ уѣздовъ или земскихъ судовъ, въ коихъ поставлялись по выбору три члена и назывались Судьями или панами: 1-й Полковникъ, 2-й Есауль, и 3-й Писарь, къ нимъ въ помощь опредѣлены были отъ Сѣчи три Пидпанка изъ козаковъ и всѣ оные члены по трехлѣтнемъ выборѣ переменялись, и поставлялись на мѣстахъ ихъ другіе и такимъ образомъ завсегда былъ порядокъ по всѣмъ Паланкамъ. Потомъ когда случатся тяжбныя дѣла, на примѣръ сказать: если два козака между собою поспорятъ, или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкоду сдѣлаетъ т.е. своимъ скотомъ потравитъ хлѣбъ, или сѣно, или другую какую нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою немогутъ примириться, то оба они обиженный и обидѣвшій, купивши на базарѣ по калачу иду въ Паланку позываться, къ которой они принадлежать и просить отъ судей своего удовольствія, и положивши калачи на "сырно" (столь) кланяются судьямъ оба разомъ низенько и становятся возлѣ порога, сказавши: кланяемся панове хлибомъ и сильно, и Судьи начнутъ ихъ спрашивать: яке ваше дило паны-молодци? Тогда обиженный прежде отвѣчаетъ: отъ панове! яке наше дило, указывая на своего товарища, от-цей мене обидивъ, от-стилько-то шкоды мини причинивъ своимъ скотомъ и несогласень мнѣ уплатить и пополнить що слѣдуетъ за спашъ сѣна; или за побой хлѣба; потомъ судьи спрашиваютъ другаго обидѣвшаго... Ну братчику! говори ты, правдали то, о

чемъ обиженный товарищ твой на тебе жалуется? Тогда обидчикъ отвѣчаетъ: та-щоже панове! то все правда, що я шкоду сдѣлавъ моему сосиду и неотрекаюся, но немогу его удовольствовать по той причинѣ, что онъ требуетъ видъ мене лишне, а шкоды немае стільки. Тогда уже Паланка посылаетъ Пидпанковъ и прочихъ постороннихъ верховыхъ козаковъ для освидѣтельствванія шкоды; они чрезъ нѣсколько часовъ возвращаются въ Паланку и объясняютъ судьямъ всю правду, истинно, чего шкода стоитъ, тогда судьи обращаются къ обидщику и говорятъ ему: ну! що-жь ты братчику! согласень ли уплатить шкоду своему сосѣду, или нѣтъ? Тогда обидчикъ и паки кланяется судьямъ: та щожъ панство! лишне винъ видъ мене требе, я несогласень ему уплатить; у воли вашей. Наконецъ судьи долго его-уговариваютъ и предоставляютъ ему резоны, что обида всякому неприятна и совѣтуютъ помириться и незатурднять вышаго начальства, и если тяжущіеся захотятъ помириться и другъ друга подовольствовать, то Паланка ихъ дѣло рѣшаетъ сама и удовольствовавъ обиженного, отпускаетъ ихъ по домамъ, а если обидчикъ поупрямится и непримирится здѣсь, то Паланка отсылаетъ обоихъ ихъ до Сѣчи. Тогда тяжущіеся, поклонившись вмѣстѣ судьямъ отходятъ изъ Паланки и говорятъ: прощайте панство! А судьи имъ скажутъ: ступайте съ Богомъ! когда же тяжущіеся прїѣдутъ до Сѣчи, то другъ друга спрашиваютъ: а въ чѣй же куринь по переду пидемъ? тогда обиженный говоритъ: ходимъ, брате, до нашего куриня; ну добре, ходимъ и до вашего куриня отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши же въ куринь, являются оба къ Отаману и говорятъ ему: здоровъ батьку! Здоровы были паны-молодци! отвѣчаетъ Отаманъ, сидайте! та-ни батьку! николи сидати, мы дило къ тоби имбемо; ну говорите! яке ваше дило? скажетъ Отаманъ; тогда обиженный начиная ему жаловаться, объясняетъ всю свою обиду и происшествіе, по ряду какъ было, и какъ они судились въ Паланкѣ, потомъ Отаманъ выслушавши все ихъ дѣло; спрашиваетъ обидчика: якого ты братчику куриня? и когда скажетъ обидчикъ, что онъ такого-то куриня и назоветъ куринь по прозванію то Отаманъ закричитъ на хлопцивъ: а пидите-лишь такого-то куриня Отамана попросите до-мене; и когда тотъ Отаманъ прїѣдетъ и скажетъ первому: чоги вы брате мене звали? тогда первый скажетъ ему: чи-се вашего куриня козакъ? потомъ пришедшій Отаманъ обратясь къ козаку своему скажетъ: такъ ты братчику нашего куриня? такъ батьку, вашего куриня, козакъ отвѣчаетъ, поклонившись. Потомъ первый Отаманъ рассказываетъ сему второму Отаману все дѣло и произ-

о от нрѣдввдн лст нрѣдвдт ! жннтѣдд ун ...от шввдднѣ отѣт

шествіе за тяжущихся козаковъ, и говорить такъ: ну-що брате будемо робить съ сими козаками? а пришедшій Отаманъ спрашиваетъ козаковъ: такъ васъ уже братчики и Паланка судила? Судила батьку, и кланяются ему вмѣстѣ; тогда оба Отаманы начнутъ уговаривать тяжущихся: помиритесь братци, и подовольствуйте тутъ уже одинъ другаго, дабы незатруднять далбе вышаго начальства. Тогда обидчикъ опять поклонившись Отаманамъ, говоритъ такъ: та-щожъ батьки, коли винъ лишне требуетъ видъ мене. Наконецъ Отаманы видя его упрямство, спрашиваютъ его въ послѣдній разъ: такъ ты братчику, несогласень его подовольствовать; нить батьки, у воли вашій, несогласень; и кланяется имъ обоимъ низко; ну теперъ же братци ходимъ вси четыре до Судьи: що же скажетъ Судья. Добре, отвѣчаютъ козаки Отаманамъ, обождить-же батьки, пидемъ мы на базаръ и купимъ калачи, потомъ всѣ четыре являются Судьѣ Войсковому, и вошедши въ куринь по переду Отаманы кланяются и назвавши Судью по имени говорятъ: здорови були пане добродію, а Судья взаимно отвѣчаетъ: здоровы и вы панове Отаманы, прошу сидати, потомъ тяжущіеся козаки такъ же кланяются Судьѣ и кладутъ калачи на сырнo, говоря такъ: кланяемъ вамъ добродію хлибомъ, та силью. Спасибо, спасибо, паны-молодцы за хлибъ и за силь, отвѣчаетъ Судья, потомъ Судья спрашиваетъ Отамановъ: що-се у васъ за козаки и яке дило мають? Тогда первый Отаманъ начинаетъ пересказывать ему обиженного все дѣло и происшествіе, по ряду, за козаковъ, якъ было оно сначала и якъ ихъ судила Паланка. Потомъ Судья обратившись къ обидчику спрашиваетъ: такъ, якъ-же ты братчику рѣшився съ симъ козакомъ, указуя на обиженного, когда уже васъ судила и Паланка, Отаманы и я присуждаю обиженного удовольствовать, а ты несогласаешся по упрямству, будучи уже со всихъ сторонъ виновать.

Потомъ долго его уговариваетъ и представляетъ ему правильные и законные резоны къ примиренію, но обидчикъ никакими доводами не убѣждаясь стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ тоже, что и прочимъ низшимъ членамъ и Отаманамъ: та-щожъ добродію, колы винъ лишне требуетъ, я на то несогласень! Такъ ты несогласень братчику! несогласень добродію; ну теперъ-же вы панове Отаманы идите съ нимъ до Кошового, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ и рѣшеніе; тогда Отаманы, вставши изъ своихъ мѣстъ, кланяются Судьѣ всѣ разомъ съ козаками, и говорятъ: прощайте добродію; идите съ Богомъ, скажетъ Судья, а козакамъ примолвить: забирайте братци съ собою и свій хлибъ съ сырнa; та-ни до-

бродію, мы соби купимъ на базари; забирайте, забирайте, съ гнѣвомъ повторяетъ Судья, и немедлите Отамановъ, бо имъ не одно дило ваше! Наконецъ взявши козаки свои калачи, приходятъ съ Отаманами до Кошового въ куринь, всѣ четыре разомъ, и кланяются ему вмѣстѣ: здорови були вельможный пане, скажутъ ему. А Кошовой отвѣчаетъ: здоровы, здоровы, панове Отаманы, прошу сидати, тогда тяжущіеся козаки стоя у дверей, возлѣ порога, кланяются и паки Кошовому низенько, и кладутъ калачи на сырнo: кланяемъ вельможный пане хлибомъ и силью... благодарю паны-молодцы за хлибъ и за силь, отвѣчаетъ вельможный. Потомъ спрашиваетъ Кошовой Отамановъ: що-се у васъ панове Отаманы за козаки? Тогда Отаманы начинаютъ пересказывать Кошовому все дѣло и происшествіе ихъ по ряду якъ было сначала и до конца, а козаки стоятъ у порога. Потомъ выслушавши Кошовой дѣло, обращается до обидчика и говорить ему: ну якъ же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ, указывая на обиженного. Васъ рѣшила Паланка, васъ рѣшили Отаманы, васъ рѣшили и Судья Войсковый, а потомъ дило дошло и до мене, о чемъ я разслушавшись, признаю, що Паланка рѣшила дило ваше правильно, которое и я утверждаю и нахожу тебя во всемъ виновнымъ; такъ теперъ, що уже ты мині скажешь, согласень-ли ты будешь обиженного подовольствовать? Ни, вельможный пане, требуетъ лишне, и я не согласень на то. - Наконецъ опять ему Кошовой скажетъ громко, строго и со гнѣвомъ: такъ ты братчику несогласень? такъ, вельможный пане, не согласень, у воли вашей, и кланяется ему низко. Ну добре, колижъ ты несогласень; - потомъ Отаманы встають съ мѣста, видя Кошового во гнѣвѣ, кланяются ему вмѣстѣ съ козаками всѣ четыре разомъ и прощаяся Отаманы съ Кошовымъ, по обычаю, выходятъ изъ куриня, а также и тяжущіеся козаки поклонившись скажутъ вельможному: прощай, вельможный пане! Прощайте паны-молодцы и насъ не забывайте, скажетъ наконецъ Кошовой и выходитъ въ слѣдъ за ними изъ куриня, и когда выйдутъ на дворъ всѣ, то Кошовой крикнетъ на сторожей: сторожи! кивъ; потомъ сторожи бѣгутъ и кии несуть оберемками; тогда вельможный скажетъ: ну лягай братику, ось мы тебе проучимъ якъ правду наблюдать и панивъ шанувати. Помилуй вельможный пане, возопіетъ тогда виноватый не своимъ гласомъ до неба. Ни, братчику, нема уже помилованія, коли такой упрямый; козаки! на рукахъ и на ногахъ сидайте и капканы его на плечи закидайте; сторожи! бійте его, сучего сына, добре кіями, щобъ знавъ по чому кившъ лиха! - И когда кии начнутъ между собою

розговаривать и по ту и по другую сторону, то виновный козакъ мовчить уже тогда и слушаеъ готового, що кажуть. И когда виновнаго добре уже употчивають т.е. до 50 или 100 кивъ дадутъ, то тогда опять Кошевый крикнетъ: полно... и сторожи поднявши кии на свои плечи стоять, якъ солдаты съ ружьями на часахъ, а козаки виновнаго еще держать, сидя на рукахъ и на ногахъ, дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Тогда начинается Кошевый говорить къ виновному: послухай братчику, якъ тебе Паланка рѣшила, и сколько обиженный требуетъ, заплати ему непременно, да сей-часъ заплати, при моихъ очахъ. Тогда виновный, лежа отвѣчаетъ: чую! вельможный пане, чую, и готовъ все исполнить, що прикажешь. - А що оце тебѣ выбили, то сноси здоровъ, щобъ ты недуже мудровавъ и не упрямылся, продолжаетъ Кошевый; може тоби братчику ище прибавить кивъ? Тогда виновный со слезами и воплемъ крикнетъ: о! помилуй, помилуй вельможный пане! буде съ мене и сего до-вику; не буду упрямыться и буду шануваты панство; тогда наконецъ, когда вельможный угамуется т.е. перестанетъ сердитися, то скажетъ козакамъ и сторожамъ своимъ экзекуцію отправлявшимъ: ну полно, вставайте и козака на волю пускайте, а кии подалше ховайте. - И тѣмъ кончается судьба виновнаго и рѣшеніе безъ всякихъ на бумагѣ судопроизводствъ, и если имѣть виновный при сбѣе деньги, то тотъ-часъ-же и платить обиженному сколько слѣдуетъ, если-же не имѣть, то Коше-вый призываетъ Отамана обидчикова курия тутъ-же при про-изводствѣ суда стоящаго: ну пане Отамане, принеси за-разъ деньги изъ своего курия и удовольствуй обиженнаго, а ты съ нимъ послѣ вѣдайся якъ хочешъ и имѣешь право взыскать съ него. - Вотъ яки у насъ були суды и права по Запорожскимъ обычаямъ и хотя-бы на 1,000 или на 10,000 суммы въ тяжбныхъ дѣлахъ, то въ одну недѣлю времени все рѣшено будетъ и далѣе волочится по судамъ нестануть. А такимъ-же образомъ и важ-ныя преступленія рѣшались, яко-то: воровство, грабежи и убійства и прочія беззаконныя дѣла, влекущія за собою смер-тную казнь.

Глава V

О смертныхъ казняхъ преступниковъ

Всѣ козаки Запорожскіе обыкновенно принадлежали до Сбчевыхъ куриней въ коихъ было по 1000 и болѣе, какъ выше сказано, и какъ прозваніе курия, напримѣръ Канивскій или Пластунивскій куринь прозывается, то такъ и козакъ по куриню называется, не только тотъ, который въ куринь на службѣ без-отлучно находится; но и тотъ, который сидитъ зимовникомъ т.е. домомъ своимъ къ тому-же куриню принадлежитъ и именуется по тому куриню. Изъ сихъ козаковъ большая часть была холо-стыхъ, которые въ особенности отъ Сбчи назывались: "сирома-ми" и занимались только въ свободное время отъ службы рыбною и звѣриною ловлею, а нѣкоторые были женаты и зани-мались у своихъ зимовникахъ хлѣбопашествомъ, скотоводст-вомъ и пчеловодствомъ и другими разными хозяйственными промыслами; которые-же были холосты, но имѣли свои достат-ки, такъ-же занимались хозяйствомъ и имѣли свои зимовники и челядь т.е. прислужниковъ. Всѣ-же козаки, живущіе по зи-мовникахъ безъ изыятія отбывали повинности до курия и до Сбчи, принадлежащія, яко-то: караулы, кордовы и въ случаѣ войны ишли на сраженіе. Но изъ сихъ всѣхъ женатыхъ и сидя-щихъ въ зимовникахъ мало было преступниковъ; а холостые сиромы сей участи больше подлежали, ибо що въ лями по рыбальняхъ, или на звѣриной ловли загоруютъ, то, все то чрезъ пьянство скоро и протайнують, и видя уже послѣ, що ничимъ похмелиться, да и нивиткиля поживиться: заробитки ушли, а гроши пропили, то тогда уже неизбежно простираются и до дальняго распутства и отваги самовольно, а воля и отвага: или "медъ пье, или кандалы тре", по пословиці. И когда уже

сиромѣ доходила до такого состоянія, то неудержно сіи шалуны пускались великими шайками на добычу, и начинали красть, грабить и убивать. Ибо они грабили чумаковъ на великихъ шляхахъ, дѣлали разбои надъ пробѣжими купцами и драли ляхивъ и жидовъ у Польщи такъ сильно, что ляхи отъ страха кидали дома и жилища свои и уходили до лясу во внутреннюю Польшу, за Варшаву, а жида безъ вѣсти бѣжали и духу боялись Запорожскаго. Между сими Запорожскими шайками у каждой были "Ватажки" или Отаманы и по ихнему назывались еще "Характерники" т.е. такіе волшебники що ихъ ни какое огненное оружіе, ни пуля, ни пушка умертвить не можетъ; и когда бывало деруть ляхивъ, по великимъ и богатымъ дворамъ, въ коихъ хотя на сей случай въ осторожность и весьма великое бываетъ количество сторожей и вооруженныхъ часовыхъ, то "Ватажокъ" такъ очаруетъ всѣхъ въ домѣ, что никто изъ нихъ не услышитъ и не увидитъ ни единаго козака изъ его шайки и тогда уже они берутъ, що хотятъ и возвращаются въ Сѣчь, а потомъ "дуванятся" т.е. дѣлятся добромъ, часть на козакивъ, часть на Ватажка, а часть на куринь. Посему-то самому якъ видно, и нѣкоторые куринные Отаманы дѣлали имъ поблажку, ибо не всякій Ватажокъ собравши шайку тайно, ходилъ на добычу; но большею частію за вѣдомомъ куриня, по той причинѣ, что когда бывало убирается Ватажокъ на добычу, и проситъ у Отамана козаковъ, то куринный Отаманъ приказываетъ Ватажкови: ну братчику, гляди-жь, щобъ ты якого козака не утративъ; то тоди уже и до куриня не вертайся; сирѣчь: крадь, да кинци ховай. Тогда Ватажокъ надѣясь на свое характерство отвѣчаетъ Отаману: ни, батьку! будутъ вси цили. И такъ сиромы до таковой степени шалостей по своему характерству доходили, що послѣ разбоевъ грабительствъ и убійствъ, дѣлали такія ище страшныя и безчеловѣчныя неистовства, що нелѣпо и говорити и на бумагу положить. О семъ доходили жалобы не только до Сѣчи но и до Столицы, чрезъ що самое почти и Сѣчь атакована и уничтожена; а преступники тогда было, если поймаются въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, то судъ имъ коротокъ и не долго съ ними возятся по судамъ, а вдругъ рѣшаютъ ихъ и казнятъ въ Сѣчи или по Паланкамъ, смотря по преступленіямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибиницу, иныхъ убиваютъ кіями до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ на Сибирь. Воровство-же и грабежь, если по жалобамъ открытается и виновнаго поймають, то пополняютъ куринь, къ которому виновный принадлежитъ, и если онъ у себя достатка неимѣетъ, а отъ наказанія неосвобождается по праву приговора, чего достоинъ и тѣмъ обложеннаго

на жалобѣ довольствуютъ, а убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства. Первая казнь: шибиница 4), которые устроены были по разныхъ мѣстахъ надъ большими шляхами, почти во всякой Паланкѣ, и преступника верхомъ подвезши лошадыю подъ шибиницу, и накинувши на его голову сильцо, лошады ударятъ плѣтью и она оттудова выскочитъ, а преступникъ повиснетъ; а иногѣ вѣшали до горы ногами, а иногѣ за ребро крюкомъ желѣзнымъ, и виситъ преступникъ пока кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и ни кто его оттуда снять не смѣетъ подъ казнь смертною. Вторая казнь: острая "паля" или столпъ деревянный вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, а на верху пали воткнутой былъ желѣзный шпиль тоже острый въ 2 аршина вышиною, на который шпиль насаживали преступниковъ, такъ что шпиль выходилъ на полъ-аршина въ потылицу выше его головы, и сидитъ на томъ шпилѣ преступникъ дотолы, пока изсохнетъ и выкорениться якъ вяла рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ якъ мельница и торохтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю. Третья казнь: "кии" Запорожскіе; они не такъ велики и толсты, а подобны бичамъ что у цѣповъ, коими хлѣбъ молотятъ; дубовые или изъ другаго крѣпкаго дерева нарубленные. Преступника вяжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ Паланкахъ на площади, или въ базари, потомъ поставляютъ около его разные напитки въ кинвахъ к.т. горилку, медъ, пиво и брагу, и накладываютъ такъ-же довольно калачей и наконецъ принесутъ такъ-же нѣсколько оберемкивъ и кіивъ и положить около столба гдѣ преступникъ, и принуждаютъ его бѣсть, пити, сколько хочеть, - и когда набѣтся и напьется, тогда козаки начинаютъ его бить кіями, такъ что всякой козакъ кто только идетъ мимо его, выпивши корякъ горилки, или пива, непременно долженъ ударить его по разу кіемъ и когда ударить (де хто якъ попавъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговариваютъ: отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебе куринем платили. И потудова сидитъ или лежитъ преступникъ около столба, пока убитъ его до смерти. Четвертая казнь: отсылка въ Сибирь, по обычаю якъ и Россія отсылаетъ преступниковъ. И за всѣми сими наказаніями и страхомъ въ бытность уже Кошевого Кальныша совершенно уже ихъ разбои смирили и прекратили злую волю; о чемъ и я (Коржъ) довольно помню, но Сѣчь уже ихъ неучлѣбла. Теперь скажемъ еще несколько.

Глава VI

О запорожских обычаях и обрядах

Обычаи Запорожские чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большею частью на насмѣшку похожи.

1) Запорожцы всѣ вообще головы брили, и оставляли только одну чуприну (т.е. пучок небольшой волосъ, или хохоль отъ чего и всѣ малороссиане "хохловъ" названіе получили) надъ лбомъ и если она чуприна отрастаетъ большая и длинная, такъ что препятствуетъ зрѣнію глазъ, то они закладываютъ ея за ухо; иногда чуприну сію называютъ Запорожцы еще и "оселедцемъ". Бороды такъ же всѣ вообще брили, а усы оставляли и неподстригая оныхъ никогда, намазывали ваксою и закручивали въ гору до глазъ; а если у котораго козака очень велики и длинны вырастали, то закрутивши закладывали за уши, и сіе у нихъ бывало въ великой модѣ, и поставляли себѣ за особенную казацкую славу и почетъ.

2) Одѣяніе было у нихъ одинаковое у всѣхъ и по ранжиру т.е. одноцвѣтное, и именно: каптанъ, черкеска съ велиотами, шаравары сіетовы, чоботы сапьянцы, поясъ шалевый и кабардинка круглая, во кругъ и накрестъ обложена позументомъ; а для ненастья, въ походахъ, имѣли шерстяныя, косматыя, бурки. А если выходятъ или выбѣгаютъ козаки въ парадѣ, въ большіе праздники къ церкви, или ѣздятъ по гостямъ: то исправляютъ платье по достатку и весьма богатое, дорогое и разноцвѣтное, кто какое хочетъ, и называютъ оно по Запорожски - жупанами; ибо они любили очень щеголять и тщеславится. Что-же значать: велиоты, сіета, сапьянцы, шалевый и кабардинка, о томъ поясию въ слѣдующихъ словахъ. Велиоты - назывались разрѣзанная въ доль, рукава, подъ мышками у черкески, а черкеска - верхняя одежда, пошитая по черкески вмѣсто плаща съ рукавами, но короче гораздо каптана, такъ что всегда оный

видѣнь были изъ подъ черкески; разрѣзки у рукавовъ длиною были на полъ-аршина и менѣе, и какъ сіи прорѣхи такъ и рукава по концамъ, а такъ же и вся черкеска въ подолѣ вокругъ обложены были золотымъ позументомъ, и потомъ велиоты закидались назадъ, за спину и застегались рукава на плечахъ мѣлкими гапличками т.е. крючками. Сіета называлось самое тонкое и лучшее аглицкое сукно - отъ русскаго слова сіаю. Сапьянцы - чоботы, отъ слова сафьянь, и называются по русски сафьяновые сапоги, пошитые изъ самаго лучшаго краснаго сафьяна. Шалевый поясъ значитъ шолковый, отъ польскаго слова шаль, которая диковина нынѣ только между панскимъ обычаемъ водится. Запорожская кабардинка значитъ шапка, отъ слова ногайскаго кабарга - дикой звѣрь, который водится около рѣкъ, по великимъ лѣсамъ и можетъ жить на сушѣ и въ водѣ, питается раками, плодится и гнѣзда вьетъ въ землѣ подъ корчами лѣсовыхъ кореньевъ. Сихъ звѣрей было множество въ "Великомъ Лузѣ" во время Запорожья, да и нынѣ еще есть изрѣдка, въ низу, около Днѣпра. Кабарга совершенно похожъ видомъ на кошку, но гораздо толще, длиннѣе и ножки короче, по концамъ широки съ полотенцами какъ у утки, или у гуся, а хвостъ чрезвычайно длиненъ и пушистъ, какъ и вся его кожа; цвѣтомъ молодой - сѣрой, а старой - черноватъ, на подобіе куницы. Сей звѣрекъ у Запорожцевъ назывался "виднихою" или выдрою и кожа его была въ вѣликой модѣ, а особливо для шапокъ и платилъ дорого не только Запорожцы, но и Ляхи и Жиды; - а потому уже самому у вошли у Запорожцевъ въ обычай, что шапку - хотя-бы изъ самаго простаго сукна или изъ кожи пошита была, - всегда называли кабардинкою.

3) Запорожскіе козаки въ разсужденіи всегдашней побѣдки, а особливо въ военное время и въ отрядахъ и посылкахъ, рѣдко имѣли особенные экипажи, кромѣ верховыхъ лошадей, на коихъ были седла дорогія съ разукрашенными чепраками и со всею казацкою зброєю; съ переду седла пришиты были два кубура т.е. чехлы или футляры кожаные, для пистолей, а изъ зади, въ торокахъ, увязана бурка и прочій самонужнѣйшій припасъ. Амуницію и все военное оружіе имѣли они на лошадахъ якъ-то: ратище (копье), саблю и 4 пистоля: 2 въ кубуркахъ а 2 за поясомъ. На грудяхъ вмѣсто лядунокъ, вокругъ козака обвить широкой черезъ, или патронтажъ, наполненный въ два или въ три ряда запасными патронами съ порохомъ и пулями. Ружей-же и пушекъ при сраженіи, у верховыхъ козаковъ небыло; а употребляли они ихъ тогда, когда ходили на подкахъ и дѣлали, подъ непріятельскими городами, вылазку; тогда и верховые козаки спѣшивались и съединясь съ флотскимъ воинствомъ, давали артиллеріи пособіе разными способами и орудіями.

4) При свиданіи и поздравленіи другъ друга, обычаи у Запорожцевъ были тоже мудреные, а особливо въ Сбчи и по зимовникамъ, на прим. когда вздумаетъ одинъ козакъ, или многіе вмѣстѣ согласившись, побхать до другаго козака въ гости, до куриня или до зимовника, или и задругимъ какимъ нужнымъ дѣломъ бѣдутъ или по пути забѣзжаютъ на ночлеги, то здоровкаются т.е. одинъ другаго привѣтствуютъ такъ. Прибѣжавши во дворъ хозяйскій, сидя еще на лошадяхъ, одинъ изъ нихъ крикнетъ громко: "пугу! пугу! пугу!" (т.е. здоровъ), три раза, разомъ и за однимъ духомъ; а хозяинъ куриня или зимовника отзывается къ нему въ окошко тоже: пугу, пугу, два раза, а прибѣжавшій гость отвѣчаетъ ему: "казакъ съ лугу," наконецъ хозяинъ паки въ окошко крикнетъ: "повѣшайте тамъ, де и наши т.е. вяжите кони до ясель и просимъ до хаты." Тогда хозяйскіе хлопцы вдругъ выбѣгаютъ изъ зимовника или изъ куриня, принимаютъ отъ гостей лошади, въ свои руки, ведутъ въ конюшню до ясель и присматриваютъ за ними дотолы, пока прибѣзжіе козаки у хозяина гостовать будутъ; потомъ гость или гости когда войдутъ въ хату то перекрестившись до иконъ, говорятъ къ хозяину: отаманъ, товариство, ваши головы! и кланяются ему; тогда хозяинъ взаимно кланяется имъ и отвѣчаетъ: ваши головы, ваши головы! прошу паны-молодцы сидаты, и послѣ того пойдеть уже попойка меду, вина и горилки и прочаго, а чаю и пуншевъ и кофе у Запорожцевъ не водилось, кромѣ варенухи, и то у богатыхъ и почетныхъ козаковъ. Варенуху варили пополамъ т.е. водку съ медомъ, клали въ нее перецъ и "сушь" изъ разныхъ фруктовъ, который напитокъ у Запорожцевъ былъ въ великой модѣ, и за особенное угощеніе почитаютъ, если въ чѣмъ домъ варенухою подчуютъ. Наконецъ подгулявши, хозяинъ съ гостями и поговоривши, що треба, хорошенько, призываетъ кухару и приказываетъ ему варить обѣдъ или вечерю для гостей, а кухаръ спрашиваетъ хозяина: щожь батьку прикажете варить? - Вари братчику тетерю до воды, на скору руку или до меду, бо теперъ писный день! - если случатся гости въ Середу или въ Пятницу, или въ постъ, а въ скоромные дни говорятъ: до молока, до масла тетерю. Когда-же гости погулявши день, или нѣсколько дней сряду, вздумаютъ бѣхать по домамъ, тогда благодарятъ хозяина: спасибѣ батьку за хлибъ и за силь, пора уже по куринямъ разбѣзжаться до домивки; просимъ батьку и до насъ, коли ласка, и оставайтесь здорови! а хозяинъ имъ отвѣчаетъ: прощайте и выбачайте паны-молодцы, чимъ богаты, тымъ и рады; просимъ не погнѣваться! и потомъ гости выходятъ изъ куриня, а хлопцы хозяйскіе подаютъ имъ кони накормлены напоены и осѣдланы. И сей обычай былъ у Запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и ко всѣмъ страннымъ людемъ и наблюдали сію страннолюбія добродѣтель, очень

строго и неупустительно по ихнимъ преданіямъ. Сверхъ того въ обычаѣ у нихъ было и то, что всякій козакъ а особливо между простыми т.е. табунщикъ, скотаръ и чобанъ опоясывались ремненнымъ (кожанымъ) поясомъ и чрезъ плечо навѣшивали "гаманъ" кожаный, украшенный разными мѣдными серебреными и золотыми блестящими, пуговицами, у коема гаманъ носили кресало, кремень и губку, у запаса, для всякаго случая; а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всенепремѣнно - швайку для починки лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохранения въ чѣлости ложки, что почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость; и то не козакъ, кто по обычаю сему неопустаетъ, и почитали его за самаго нерадиваго и неисправнаго пастуха. Ибо наприкладъ сказать, когда пастухъ или чобанъ вздумаетъ пойти или побхать изъ своего коша до другаго сосѣдняго коша, по надобности, и пришедши туда если застанеть, что пастухи обѣдаютъ или вечеряютъ, то говорить имъ: хлибъ да силь паны-молодцы! а они отвѣчаютъ ему: имо да свій, а ты у порога постій. Ни братци! давайте и минѣ мисто, отвѣчаетъ гость, и вынимаетъ заразь свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе чобаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорятъ: отъ - козакъ догадливый и исправный! вечеряй, братчику, вечеряй...и даютъ ему мисто и привѣтствуютъ дружески. Если же, который звычайя сего не знаетъ, съ того смѣются и называютъ олухомъ (дуракомъ). Когда-же пастухъ пришедшій или другой какой-либо гость не застанеть ни обида, ни вечера въ какое-бы ни было время, то тотъ-часъ Отаманъ Коша поздоровкавшись съ гостемъ, по обычаю, приказываетъ кухарю своему варить тетерю, мамалыгу или милай и накормивши гостя спрашиваетъ: зачемъ прійшовъ? Что-же значить кошь, тетеря, милай, потомъ поясню въ слѣдующемъ пунктѣ.

Во время Запорожья, до атакванія Сбчи, не было никогда зимы холодной, и таковой никто незапомнить: а потому скотъ на степахъ лѣто и зиму кочевал: для случающихся-же холодныхъ вѣтровъ и непогоды у пастуховъ были коши и котиги. Кошь подобился палаткѣ, обшитъ вокругъ полстями и устроены на двухъ колесахъ, дабы съ мѣста на мѣсто можно было его удобнѣе перевозить, куда надобность укажетъ; въ немъ была "кабица" для огня и пастухи отъ непогоды перегрѣвались и пересушивались и варили пищу для себя, а также и кормъ для собакъ. Тетерю они варили изъ ржаной муки и пшена, но прежде ея учиняютъ рощиною, какъ и тѣсто на хлѣбъ. Милай и мамалыга - все одно, и варили его изъ просяной муки съ одною водою, несоливши, потому что кушаютъ его съ соловымъ сыромъ, или съ брынзою въ скоромные дни, а иногда и галушки варятъ съ постромою (съ бараниною). А также и коржи

пекуть бывало изъ пшеничной муки и называли оныя "загребамы", потому что ихъ въ кобици, жаромъ и попеломъ загребаютъ, пока спекутся. А котига у нихъ называлась пребольшая арба, или воловый возъ на четырехъ колесахъ, въ которомъ возили за собою всю пастушью провизию, воду харчь и дрова, и когда на одномъ "тырлб" пашу скотомъ или овцами потравлять, то переходятъ на другое мѣсто, ищутъ лучшей паши и такимъ-образомъ кочуютъ в степяхъ лѣто и зиму какъ дикіе Ногайцы или Калмыки.

5) Козаки Запорожскіе, а особливо Сбчовики, по вольности Запорожскаго духу, и веселаго характера имѣли, по звичаю своему, великую наклонность къ шуткѣ и насмѣшкамъ, такъ что съ самаго малѣйшаго случая, или поступка, или походки козака, вдругъ выводятъ великія нелѣпости и прикладываютъ прозвища одинъ другому т.е. даютъ мудреные названія и имена, случаю и поступкамъ соотвѣтствующія. Такъ напримѣръ: если какой козакъ отъ неосторожности спалитъ куринь или зимовникъ, того называютъ Палиемъ; если который варитъ пищу и раскладаетъ огонь надъ водою, того называютъ Паливодою; если который ходитъ согнувшись отъ немощи или отъ природы, того называютъ Горбачемъ; если который противу обычая, не тетерю варитъ себѣ въ кашу, того называютъ Кашкою или Кашоваромъ. Если который козакъ необычно малъ ростомъ, того называютъ Махиною, а который самого великаго росту, того называютъ Малютою; если который проворень и ходитъ скоро и идучи поскользнется и упадетъ, того называютъ Склизькимъ; если который неуклюжь и ходитъ нескоро, того называютъ Черепахою; а который худъ лицомъ и безсиленъ, того называютъ Гнидою, и такъ далѣе. Отъ каковыхъ случаевъ и поступковъ и мой родной отецъ, отъ предковъ ведши свою фамилію Жаданъ, въ Сбчи получилъ названіе Таранъ, коимъ въ олѣйницѣ бьютъ олѣю, а крестный мой отецъ Качаловъ, получилъ прозваніе отъ качалки, коею платя качаютъ, и все по случаю; а равнымъ-образомъ и я Коржъ получилъ себѣ прозваніе отъ коржа такимъ-образомъ. Я съ молодыхъ лѣтъ былъ очень проверень и рѣзвъ; разъ бѣжавъ изъ Новыхъ-Кодакъ до Сбчи, тоже съ молодыми хлопцами, мимо большой могилы, называемой Чертомлыкъ, не далеко отъ Сбчи, гдѣ нынѣ Покровское, вздумалось намъ полюбопытствовать извоятти на самый верхъ этой могилы, на которую была тропинка утоптана, и когда мы взошли на могилу, и поглядѣвши съ оной суды и туды начали опять возвращаться въ низъ; то товарищи мои пошли по тропинкѣ, а я бросился на простецъ, а какъ могила была весьма крутая и по оной сухой камышъ, а на ногахъ у меня были постолы скользскіе, то я поскользнувшись упалъ и съ самой вершины горы бокомъ катился до низу, якъ коржъ, и отъ

того случая товарищи мои разсмѣявшись, назвали меня Коржомъ и прїбхавши въ Сбчъ, объяснили мое происшествіе всѣмъ куриннымъ козакамъ и крестному моему отцу Качалову, который сказалъ: да нехайже буде Коржъ; бо и мене Качаловъ прозвали за одну зробленную мною качалку: що будешь робить, коли тутъ такая поведенція! терпи хлопче, козакомъ будешь; а изъ козака попадешь и въ Отаманы: бо съ посмиху люди бувають!

6) Теперь-же нѣсколько скажемъ о тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые были, по куриняхъ, у Сбчи. Сколько было числомъ куриней, о томъ выше сказано, ибо ихъ было 40, всѣ они выстроены были въ Сбчи, въ одномъ мѣстѣ, и не такъ какъ обыкновенный куринь или шалашъ пастушій строится просто, но были рубленныя и изъ рѣзаного лѣса, ибо "великій лугъ" на лѣсъ былъ достаточень; а притомъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣститься въ каждомъ куринѣ, во время обѣда. Куринь строился подобно трапезѣ, безъ всякихъ чулановъ и перегородокъ, такъ что внутри онаго, вокругъ, около стѣнъ, до самыхъ дверей стояли столы, а около столовъ, такъ-же вокругъ, скамьи, на коихъ садятся козаки обѣдать, а первое мѣсто для Отамана было подъ иконами. Иконы были богатые и украшенные, окошки также были большія и частыя; вокругъ и во всякомъ куринѣ, по срединѣ висѣли великолѣпныя паникадила, а подъ иконами лампы, кои въ большіе праздники были зажигаемы. Печи большія, для печенія хлѣба, были особо отъ куриня построены и въ особомъ отдѣленіи, а въ куринѣ одни только грубы т.е. манерныя печки - на манеръ аглицкихъ. Повары тоже были въ особомъ отдѣленіи и варили пищу разную; но первая была: тетеря, рубци, галушки и рыба "на стябло", а свиначую голову дохрину, а иногда и локшину на перемѣну, и проч. и проч. що водилось по ихъ Запорожскимъ обычаямъ. Потомъ когда пищу изготовлять и время обѣдать: насыпаютъ (наливаютъ) кухари въ деревянные ваганы и ставятъ на сырню, по всѣхъ столахъ, около которыхъ вагановъ ставятъ въ рядъ и разные напитки: горилку, медъ, пиво и брагу, у большихъ конвахъ, тоже деревянныхъ, и вѣшаютъ на нихъ коряки, таковыя-же, которые и назывались по козацки "михайлики": ибо у Сбчи рюмокъ и стакановъ не было. Когда-же козаки прїдутъ съ Отаманомъ въ трапезу, то помолвившись Богу, садится Отаманъ на первое мѣсто у конца сырны подъ образами, а потомъ и козаки тоже садятся во кругъ столовъ и начинаютъ трапезовать; когда-же кухари подають рыбу на стябло, то всегда по ихнему обычаю кладутъ головы изъ рыбы передъ Отаманомъ, и сей обычай до рыбы касающійся по всѣмъ куринямъ и зимовникамъ одинаковъ былъ, послѣ-же того, когда пообѣдаютъ молятся Богу, и кланяются

Отаману и другъ другу и благодарять кухаря: спасиби братчику що нагодувавъ козакивъ! Наконецъ выходя Отаманъ изъ за стола кладеть копѣйку въ карнавку, а равно и всѣ кидаютъ въ карнавку тоже по копѣйкѣ, а кто и больше и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, а деньги карнавочные получаетъ кухарь, и покупаетъ въ базарѣ за оныя, что слѣдуетъ для трапезы събѣстное. Кушать варили въ Сѣчи, по куринямъ, всякой день три раза не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ или въ чугунныхъ, на кабици, а не в печи.

7) Сѣчевые козаки занимались по обычаю и звѣриною охотою, рыбною ловлею; ибо въ великомъ лузѣ по причинѣ непроходимаго и густаго лѣса и сильныхъ камышей около озеръ и лимановъ водилось великое множество дикихъ звѣрей, якъ-то: оленей, козъ, свиней и лисицъ, а по степахъ такъ-же было премного волковъ, зайцевъ и бабаковъ, и за покупкою кожъ сихъ звѣрей, прѣзжаютъ бывало промышленники изъ разныхъ мѣстъ, съ Малороссіи и Польши, въ ярманки до Сѣчи. А также и рыбные ловли у нихъ были чрезвычайныя, въ Днѣпрѣ, по озерамъ и по лиманамъ, а особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурской Косѣ, около лимана и на Тендре такое великое изобиліе, что не только вся Украина Запорожская ею обогащалась но и Польша вся, и Гетманщина и прочіе околичныя жители довольствовались рыбою отъ Запорожскихъ рыбныхъ заводовъ.

8) Наконецъ слѣдуетъ объяснить еще и о томъ, что между Запорожскими обычаями были и благочестивые обряды, относящіяся до Христіанскаго закона и добродѣтелей. Ибо изъ козаковъ было очень много набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣпіе церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили на всякое почти славословіе, ежедневно, украшали церковныя иконы, исправляли богатыя хоругвы и кресты, обогащали ризничныя утвари и церковныя св. сосуды драгоценными камнями и великолѣпными издѣліями, такъ, что во всей Россіи едвали гдѣ была ризница превосходнѣе Запорожской ризницы 5) и достатка церковнаго на щотъ казны т.е. денежной суммы, по той причинѣ, что Запорожцы были большею частью холосты, а имѣли многія тысячи денегъ и многочисленное скотоводство по зимовникамъ, и по смерти козака все таковое имущество отписываютъ бывало на церковь Сѣчевую и на монастырь 6), который былъ въ той-же Сѣчи и надъ самою рѣкою Подпольною. Въ семь монастырѣхъ былъ всегда одинъ настоятель и 12 человекъ монашествующихъ, въ числѣ коихъ были іеромонахи и іеродіаконы по ихнему чиноположенію, и имѣли какъ въ Сѣчевой такъ и въ монастырской церкви ежедневное седмичное служеніе, и сіи монашествующіе, какъ и настоятель въ случаѣ смерти ихъ, или перемѣны, посвящаемы были въ Кіевской Лаврѣ и рѣдко изъ оной насы-

лаемы были въ Сѣчѣ кромѣ настоятелей, ибо по произволу Кошоваго или Старшины, настоятель самъ, изъ Запорожскихъ козаковъ постригалъ въ монахи. Также и бѣлое духовенство, по Паланкахъ и по прочихъ мѣстечкахъ, гдѣ существовали церкви, производило во священство изъ своихъ-же Запорожцевъ, ибо между ними таковые были грамотби, съ особенными голо-совъ дарованіями, что и въ Лаврахъ и въ Столицахъ рѣдко отыскать можно бывало подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчи было разной всячины довольно. Не только изъ поповичовъ, которые проходили на своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но изъ панскаго поколѣнія образованные дѣти, возмужавшіе и по какимъ-нибудь случаямъ, а особливо по преступленіямъ, стыдяся и боясь наказанія, бѣжали въ Сѣчѣ. Теперь олятъ возвратимся къ монастырю Запорожскому: онъ назывался и городкомъ или крѣпостію, ибо въ немъ было много строеній Запорожскихъ пановъ (гдѣ и Кошевой жилъ) и для случая набѣговъ непріятельскихъ устроены были крѣпостію и обставлены вокругъ пушками, на высокомъ земляномъ валу расположенными; сверхъ того городокъ совсѣхъ почти сторонъ окруженъ былъ рѣкою Подпольною, такъ, что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой вѣздъ съ огромною башнею и часовыми на ней козаками. Церковь монастырская, а также и Сѣчевая были деревянныя и снаружи не такъ видныя. Обѣ они ни какихъ оградъ не имѣли. При Сѣчевой церкви выстроена была большая и высокая колокольня, въ особомъ однакъ отдѣленіи отъ церкви, съ четырьмя большими от-верстіями т.е. окнами, въ коихъ утверждены были пушки для стрѣльбы какъ во время набѣговъ непріятельскихъ, такъ и цер-ковныхъ церемоній, изъ сихъ пушекъ по великимъ особымъ праздникамъ яко-то: въ день Пасхи, въ день Богоявленія и въ день храмовый, производили стрѣльбу; ибо въ нарочитые праздники особый и удивительный былъ зрѣнію видъ, какъ въ разсужденіи церковной церемоніи, такъ и обрядовъ и обыча-евъ козацкихъ. Напримѣръ скажемъ: въ день Богоявленія, всѣ Сѣчевые козаки со всѣхъ куриней безъ изыятія, а равно и изъ зимовниковъ и изъ заводовъ, гдѣ-бы кто ни былъ, собирався въ парадъ и шли въ церковь при всѣхъ своихъ амуниціяхъ и оружійхъ и со всею войсковою артилеріею на Іорданъ, пѣхота и кавалерія; а каждая куриня особенныя и раскрашенныя знамена бывало везуть на верховыхъ, живо и удивительно убранныхъ лошадяхъ, а равно и все войско разодѣто въ самое лучшее и богатое платье. И когда посѣзжаются къ церкви, то такое великое множество народа занимаетъ не только все пространство около церкви, но и всю Сѣчевую чрезвычайно обширную площадь и стоитъ все войско, какъ конница такъ и пѣхота чинными и устроенными рядами безъ шапокъ, дотолѣ

пока окончится литургия; а по окончаніи оной выходитъ духовенство изъ церкви: настоятель въ передѣ съ крестомъ, а за нимъ и прочіе соборно служащіе іеромонахи, по парно, и несутъ Евангеліе и иконы, во всемъ драгоцѣнно сіяющемъ священническомъ облаченіи, на водоосвященіе; а за ними и все Запорожское войско со знаменами и артиллеріею идетъ рядами чинно, и пришедши къ рѣкѣ тоже становятся своимъ порядкомъ, какъ и прежде. Потомъ, когда кончится водоосвященіе и настоятель начнетъ, по обычаю, погружать крестъ въ воду, тогда со всей артиллеріи и со всѣхъ мѣлкихъ оружій ударятъ козаки въ одинъ выстрѣлъ залпомъ, такъ громко и сильно, что кажется вся земля вострепещетъ и покроетъ всѣхъ зрителей дымомъ, какъ тьмою, что другъ друга не видятъ, по семь на нѣсколько минутъ умолкнутъ и дымъ пронесетъ вѣтромъ, а кононеры дожидають трехкратнаго погруженія креста и по окончаніи онаго начинаютъ уже жарить во вся тяжкая, сколько кому угодно, и потомъ вся толпа зрѣлищная расходится и возвращается всякъ во свояси, и тѣмъ кончается церемонія.

Глава VII

Объ атакованіи Сѣчи

Сѣчь атакована за блаженной памяти Екатерины II, въ которомъ именно году, за давностію не помню, но по щоту моему уже болѣе 50 лѣтъ тому. Она атакована генераломъ Текеліемъ такимъ образомъ. Текелій пришедши съ вооруженною арміею къ Днѣпру отдалъ приказъ всѣмъ своимъ полкамъ, — раскомандировавши ихъ какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запорожью, въ одинъ день и въ урочное число т.е. на самую Троицу, на зеленыхъ святкахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, заняли всѣ по Днѣпру Запорожскіе предѣлы. Самъ-же съ своею дивизіею и артиллеріею, также въ тотъ самый день, приблизился къ Сѣчи, и ставши за двѣ версты отъ оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки и велѣлъ выстроить въ линію всю свою артиллерію противу Сѣчи, не начиная однакожъ ни одного выстрѣла, а тоже и отъ Сѣчи не было никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій въ палаткахъ около Сѣчи, два дни, въ теченіи сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣстно уже всѣмъ, какъ Сѣчевому начальству, такъ и Текелію, что Россійскіе полки, заняли уже всѣ Паланки, всѣ мѣстечки и всѣ слободы, по всему Запорожью. Потомъ на третій уже день послалъ Текелій своего курьера въ Сѣчь и просилъ всю Старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи такового извѣстія собравши Кошовый всѣхъ куринныхъ Отамановъ, въ сходку, начали совѣтоваться: а що панове-Отаманы, теперь будемъ робити; отъ Москаль у гости насъ кличе! чи пидемъ; чи отдамо Сичъ Москалеви, чи не отдамо? — Тогда отаманы и Ватажки и прочіе Характерники начали между собою бунтоваться; иные согласны были смириться, а иные противилися въ надеждѣ своего характера и говорили: нехай Текелій приведе еще стільки війска, якъ се, то мы всихъ въ пухъ розобьемъ; якъ мухъ передавимъ! чи то можно Сичъ и славное Запорожье Москалеви отдати за спасибо? сего николи, пока свить сонця, не буде!.. ибо таковыя отважники, были всѣ сиромы, бурлаки и не женаты,

а притомъ и осбдлостей ни какихъ не имбли, потому и бунтовались. Но большая часть, какъ изъ Отамановъ, такъ и изъ богатыхъ козаковъ имбя у себя жень и дбтей и прочія достаточныя обзаведенія по зимовникахъ, и разсуждая такъ: что хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагеряхъ и истребимъ безъ нужды, до ноги, но то беда, що ти полки, кои вступили уже въ наше владѣніе и заняли всѣ Паланки и слободы, услышавши наше сопротивленіе, разорятъ всѣ наши тамошніе пожитки, а жень и дбтей нашихъ безчеловѣчно уже предадутъ смерти, а потому и несогласны были, на мнѣніе бунтовщиковъ отважныхъ. А сверхъ того и бывший въ Сбчи, Архимандритъ, услыша таковое ихъ нестроеніе и мятежь, вышедши во всемъ священническомъ облаченіи изъ церкви, съ крестомъ, началъ уговаривать мятежниковъ: убойтесь Бога! что вы думаете дбти? вы Христіане и подымаете руки противъ Христіанъ; вы Христіане и жаждете пролить кровь единоутробную! убойтесь и престаньте отъ такового начинанія: видно уже судьба наша такова, и мы пріемлемъ, отъ Бога, достойная по дбломъ нашимъ! Вотъ вамъ крестъ, и Распятый на немъ, и если вы его не послушаете, то всѣ погибнете внезапно!.. И отъ такового разительнаго увбщанія, я думаю, говорить Коржъ, каменное сердце испустило-бы свои слезы, начали плакать не только мятежники, но и вся старшина и войско, и тутъ-же всѣ отвбчали Архимандриту: ну панъ-отче, быть тому такъ! знавъ ты, що сказати; мы готовы за тебе и головы наши положить, не только послухати! - Ибо они особенное имбли къ Архимандриту уваженіе, а также и ко всему духовенству единственно за то, что Архимандритъ бывало съ прочими іеромонахами попеременно, всякое Воскресенье и въ каждый праздничный день, говаривали имъ въ церкви проповѣди, наизусть, самими разительными, по ихъ малороссійскому штылю, выраженіями, а чрезъ то самое, Запорожцы и награждали духовенство и довбріемъ и дарами очень щедро.

Теперь возвратимся и паки къ ихъ совѣту. Потомъ когда уже и по увбщанію Архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всѣ къ единому мнѣнію склонились, то начали говорить Кошевому: ну батьку, вельможный пане! теперь якъ хочъ, такъ и думай съ сими гостями, а мы готовы тебе слушать, чи ийти, то ийти? - тогда Кошевой имъ сказала: нельзя братци нейти, бо вже се не дурница! вы сами бачете, що москаль насъ отаковавъ кругомъ и артилерію на насъ всю вооруживъ; уже се гости такіе, що лишовши до нихъ, врядь-ли назадъ вси вернемось. Но быть тому! такъ ничего уже довше думать. Господы помози! дай Боже часъ добрый; ходимъ панове Отаманы; що буде, то буде, а билше буде такъ, якъ Богъ дастъ! - И потомъ взявши хлббъ и соль пошли всѣ къ Текелію въ палатку и поднесши ему оный

говорили: кланяемся вашему превосходительству хлббомъ и силой! - Благодарю Запорожники за хлббъ и за соль! отвбчаль имъ Текелій, и приказаль слугбъ своему взять хлббъ отъ нихъ и потомъ распрашиваль: кто у нихъ Кошевой и какіе по немъ первые чиновники и какъ прозываются; и когда Кошевой стоя впереди, объяснился что онъ Калныщъ, а чиновники его - Судья Касапъ и Писарь Глоба, а прочіе всѣ, указывая на Отамановъ, Куренные Отаманы, тоже чиновники со всѣхъ 40 куриней. Тогда Текелій просилъ Кошевого сбсть, а также и прочимъ чиновникамъ даны были мбста и угостивши ихъ по приличію и распросивши, что следовало, пошелъ съ ними въ Сбчъ, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительнаго войска, и видя что Запорожцы здаются ему добровольно, приказаль въ ту же минуту закрыть свою артиллерію. И пришедши въ Сбчъ спросилъ Кошевого: куда-же ты меня, Кошевой, прежде поведешь у гости? - Тогда Кошевой поклонившись просилъ его въ свой куринь, и всѣхъ офицеровъ, и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ ваганахъ и корякахъ, а также съ ложками и тарблками деревянными. Покушавши Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервизъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнообразная, и спросилъ у Кошевого: кто у васъ такую вкусную пищу варить? - Кошевой отвбчаль: у насъ есть, ваше превосходительство, у куриняхъ козацкихъ очень хорошіе и искусные кухари. - Тогда Текелій просилъ Кошевого, чтобы и ему отпустилъ такого одного кухаря и оббщаль положить ему хорошее жалованье; а Кошевому оббщаль дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ куриннымъ Отаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не бли изъ корыть, а изъ блюды. При сихъ рбчахъ и оббщаніяхъ Текеліевыхъ, одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куринныхъ Отамановъ, прозваніемъ Строць, обозвавшись сказалъ Текелію: ваше превосходительство! хоть съ корыта, та до сыта; а хоть съ блюда, та до худа! - Тогда Текелій спросилъ Отамана: что это за нарбчіе, я его непонимаю? Тогда Строць поклонившись ему началъ объяснять пословицу: извините меня, ваше превосходительство! вы трапезу изволите кушать изъ блюды, да лицемъ худы (ибо Текелій былъ хотя ростомъ и высокъ, но очень худощавъ), а мы изъ корыть имо, да сыты: отъ, посмотрите добродію, на всіхъ насъ яки мы, и разбирайте мою пословицу.

Мы всегда изъ корыть илы, та у воли и свободи жили и ни якого горя не знали, а ваша жизнь була подъ страхомъ и трепетомъ подъ всякій часъ, такъ, що сегодня панъ, а завтра пропавъ, и каменные и золотыя блюда уже тогда ни въ пользу; такъ судитежь милостиво, добродію, не правду-ли я кажу? Тогда Текелій чудился пословицею и остроуміемъ Строца, и не

только непрогнбвался за то, но и много благодарил Строца; трепая его по плечу. - Ну, Строць! благодарю за пословицу, она такь справедлива, что справедливбе быть не может и я никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати, и дбйствительно бываеть такь, ты какь у окѣ влбпилъ, по пословицб: прости Строць! - Текелій, по пересказамъ уже послб, его офицеровъ, такой былъ трусь и такь боялся Запорожцевъ идучи до Сичи, що рбдко коли ивъ и пивъ, а во снб жахався, мовь отъ переполоху: бо винь уже добре знавъ, що за цаця Запорожцы и ишовъ къ нимъ вовсе противу своего желанія, принужденно и ожидалъ на всякй часъ смерти. Да и подлинно, если-бы Запорожцы по само-необходимбйшимъ (какь выше сказано) обстоятельствамъ добровольно Текелію не здалися, то какое-бы войско ни подъ какимъ видомъ одолбтъ ихъ не могло. Потомъ когда уже Текелій пообидаль и распростился съ Кошевымъ и Отаманами, то долго еще любопытствовалъ по всей Сбчи и осматриваль всб курици Запорожскіе и всб ихъ пожитки, а наконецъ возвратился въ лагерь и стоялъ въ ономъ болбе недблн; въ теченіи этого времени офицеры Русскіе и солдаты приходили въ Сбчь, а козаки и Отаманы посбщали ихъ лагери, и другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно.

Послб того Текелій призвавши къ себб Кошевого, Судью и Писаря и прочитавши имъ именный Высочайшій указъ, велблъ имъ всбмъ троимъ готовиться къ Императрице въ Санкт-Петербургъ, куда въ скорости и были отправлены, но не всб, ибо Судья Касапъ, до отбзда еще, въ скорости заболбвъши, умеръ и погребень въ Сбчи, а отвезены только два т.е. Калнышъ и Глоба. Текелій-же принявши всю Запорожскую палестину въ свое правительство, привель всехъ Запорожцевъ къ присягб и устроивши всб свои порядки, какіе слбдовало, тогда уже сталь быть безопасень; однако находился все еще въ лагеряхъ. Между симъ временемъ войско Запорожское видя, что Старшина ихъ отправлена въ столицу, а заведенные Московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебались и начали козаки думы думать, да гадать: якь бы Москаля у шоры убрать, а самымъ де-сь дальше мандрувать; и придумали вотъ що. Собрали прежде 50 человекъ козаковъ и послали къ Текелію съ хлибомъ и силой у гости, которые пришедши къ нему говорили: кланяемся добродію хлибомъ и силой! - Благодарствую, благодарствую, Запорожники, за хлббъ и за соль; что вы мнб скажете? спрашиваль ихъ Текелій. А отъ що, добродію! мы чули, що намъ уже безъ письменнаго вида и билетивъ невозможно никуда изъ Сичи отлучаться!.. такъ, такъ, Запорожники, не отлучайтесь никуда безъ вбдома моего. - Та для тогожь-то, пане, вбдома мы и пришли, щобъ намъ хотъ одинъ

билеть на всихъ написали: бо мы будемъ купы держатися и никуды врозь не роспливемось.

- Хорошо, хорошо, продолжалъ Текелій, да какь-же у васъ прежде-то было? примолвилъ онъ. Та у насъ, пане, сихъ билетивъ николи небувало, ни батьки, ни диды наши ихъ незнали, да и праиды не чували, и кто куда хотивъ туда и ишовъ и ихавъ. - Да куда-же вы теперь хотите идти съ билетами, спросилъ опять Текелій, и за чемъ? - въ Тилигуль добродію на заробитки, до "лямы", бо въ насъ, проклята мати ма, ни сорочки, ни штанивъ, якъ бачишь, голая сирома: а щежь треба буде, може коли нибудь и подушне заплатиты, та и панамъ трохи удблнті? - Тогда Текелій громко разсмблялся и захохоталь, потомъ сказаль имъ: ступайте, Запорожники, съ Богомъ, зарабатывайте себб, да и въ казну-ту собирайте. - Чуемъ, добродію, чуемъ! и поклонившись всб козаки ему разомъ, пошли въ полковую его канцелярію, а Текелій призвавши адъютанта, велблъ выдать имъ билеть одинъ, на всбхъ 50 человекъ. Когда-же сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билеты, то собравшись со всею своею амуниціею и харчовыми клунками, взяли съ собою нбскольکو лодокъ, по числу гребцовъ, тоже нагруженныхъ экипажомъ и сбвши въ оныя тайно, ночью, не только тб, кои мблн билеты, но и безбилетныхъ столько забрали, сколько въ лодкахъ помбститься могло, можетъ быть до 1000 человекъ, и зашумблн въ низъ, до Тилигула. Потомъ спустя нбскольکو дней, пришли и еще 50 человекъ къ Текелію за билетомъ, и получивши билеть, такимъ же порядкомъ сблнали какъ и первые, не забывъ взять съ собою и безбилетныхъ сколько помбстнть могли. Такимъ образомъ видя козацство, що въ билетахъ имъ никому отказа нечинять, пришла и еще часть войска, въ третій разъ, и просили тоже билета какъ и прочіе, до Тилигула, и получивши оный, невыступили изъ общаго хитраго своего умысла ни на черту, какъ выше сказано: убхала также и сія козацкая шайка, какъ слбдуетъ, по надлежащему. Каковымъ способомъ и порядкомъ и вся уже сирома со всбхъ 40 куриней, получая билеты подъ предлогомъ Тилигула, убралась почти вся подъ Турка, кромб слбпыхъ, кривыхъ и пристарблхъ.

По каковымъ случаямъ видя Текеліевы офицеры, что Сбчь остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сбчи нбтъ никого козаковъ, и рассказали ему всб ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, но поздно, и спрашиваль офицеровъ: да гдб-жь тб, да гдб-жь тб и куда ушли, вбдъ они просили билетовъ въ Тилигуль, на заробитки? - Потомъ сильно осердился пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ что ни съ кбмъ не говорилъ и никуда невыходилъ чрезъ цблнй тотъ день. Какъ вдругъ являются и послбдніе еще оставшіеся

Сбчовые козаки, очень уже малое ихъ количество, человекъ около 10 и кланяются съ хлббомъ по обычаю, и говорятъ Текелію: повели и намъ, вельможный пане, выдати билетъ на заробитки! - Да вамъ куда уже билеты, злые Запорожники? съ гнбвомъ отвбчаль Текелій. - въ Тилигуль, пане, до лямы, въ Тилигуль! - все въ Тилигуль, все въ Тилигуль, такіе вы и разтакіе, а городъ пустой оставили; не велю вамъ никому билетовъ выдавать! - И согналь ихъ съ глазъ, однакожь и сій послбдніе, хотя и безъ билетовъ, также закивали пятами, въ слбдъ за своею сиромою, и подяковали Текелію за хлибъ и за силу. Наконецъ Текелій приказаль призвать къ себбъ всбхъ куринныхъ Отамановъ; но ихъ пришло къ нему не болбе десятка, коихъ онъ спросиль со гнбвомъ: чтожь вы пришли ко мнб не всб? - Якъ-же намъ пане всимъ прійти, що нима никого по куриняхъ! - Да гдбжь они; что ихъ нбтъ? - Отаманы, пане, разбхались по зимовникамъ, а сирома безъ вбсти розбрелась, да и мы думаемъ по домамъ: чога мы тутъ будемъ, и кимъ будемъ командовать: Старшину у насъ отобрали; а козацкаго войска нема! - Да гдб-жь ваше войско, вскричаль Текелій, и гдб ваши козаки? - Якъ пане, де, а же-жь вы имъ билеты подавали на заробитки, туда де рыба ни ячому, - чи въ Тилигуль, чи що? Тогда Текелій сильно осердясь накричаль на Отамановъ и выгналь ихъ изъ палатки, и наконецъ проживши еще около Сбчи нбсколькo времени, того-же лбта убхаль въ Столицу, а войско его стояло семь лбтъ въ предблахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердилься обычаи Московскіе.

Вотъ какимъ образомъ знатная козацкая Сбчь атакована и славное Запорожье воспріяло конецъ самоправію! Ббжавшіе-же Запорожцы изъ Сбчи, подъ Турка, приняты Султаномъ подъ свою державу и велбно поселить ихъ у устья Дуная, близъ Чернаго моря, на самой лучшей и выгоднбйшей для нихъ землб въ разсужденіи рыбной и звбриной ловли, а также и прочихъ выгодъ, и находились тамъ до нынбшняго времени, по 1830 годъ, слишкомъ 50 лбтъ, даже до послбдней Турецкой войны, и по нбкоторому случаю во время той-же войны передались опять подъ Россійскую державу, подъ предводительствомъ Кошоваго Осипа Михайловича Гладкого и находятся нынб - одна часть изъ нихъ по квартирахъ, въ разныхъ селеніяхъ Днбпровского убзда, а другая часть военныхъ козаковъ, въ походб, на Турецкой границб.

Глава VIII

О началб города Екатеринослава

Начиная отъ давнихъ временъ Запорожскихъ, Екатеринославъ имбеть уже четвертое названіе: 1-е было Половица⁷⁾, 2-е Екатеринославъ, 3-е Новороссійскъ, а 4-е опять Екатеринославъ. Но прежде скажемъ о Половицб. Когда зашли предки мои въ сію украину, въ Новые-Кодаки, какъ выше сказано, то на мбстб семь не болбе было шести хать и жили хозяева зимовниками: первый прозваніемъ Крошко, а имя упомнилъ; второй Запорожецъ Андрей Токаръ; а третій, Лазаръ Глоба. Крошко жиль на томъ мбстб гдб нынб гимназія. Токаръ жиль гдб нынб домъ штабъ-лбкаря Роде⁸⁾, а Глоба жиль на томъ самомъ мбстб, гдб нынб Свбтлбйшаго домъ и казенный садъ, внизу н адъ Днбпромъ, подъ скелею, гдб его и мельница⁹⁾ была, одна на каменьяхъ устроена, а другая байдашная для фолюшей, въ коей валили сукна; съ нимъ т.е. Глобою и еще жиль одинъ козакъ женатый, Игнатъ Сидоровичъ Каплунъ; а тутъ-же и мой собственный (Коржевъ) домъ былъ и мы жили всб трое съ своими семействами въ одной хатб подъ одною крышою, въ коей было два отдбленія т.е. двб избы. На томъ самомъ мбстб и на тбхъ печищахъ, гдб общій былъ нашъ домъ, нынб уже устроена караулка, для сторожей и часовыхъ солдатъ, кои теперь караулятъ казенный садъ, и живутъ въ караулб у берега надъ самымъ Днбпромъ. А что сказано о моемъ жительство, гдб нынб Михайловка, по рбчкб Сурб, то дбйствительно тогда за давнихъ временъ Запорожскихъ владбл и я тбмъ участкомъ, и имбл тамъ зимовникъ и скотоводство, а тутъ тоже имбл домъ съ Глобою. Сей Глоба былъ не женатъ и перешедши сюда на жительство изъ Новыхъ-Кодакъ, въ коихъ имбл онъ челядь, до 15 человекъ портныхъ,

занимался также и садоводством, и мы съ нимъ въ двоємъ, по всей горб нашего участка разсаживали деревья¹⁰). И сей нынб называемый казенный садъ, гдб Потемкина домъ, первоначально нами разведень былъ; а какъ мой товарищъ, вышеупомянутый Глоба, былъ охотникъ до садоводства, то занялъ и еще небольшой участокъ для саду, недалече отъ насъ, около озера, вверхъ по Днбпру, гдб нынб фабрики; засадивши садомъ оный участокъ, потомъ занялъ и еще столько-же мбста какъ и прежде и разведши по всей той площади удивительный садъ, въ томъ мбсте скончался отъ глубокой старости и погребень въ саду, живъ болбе 100 лбтъ на свбтб. Нынб на томъ самомъ мбстб обзаведень тоже казенный садъ и зрится доселб еще надъ гробомъ его каменный столбъ¹¹), вмбсто памятника. О прочихъ-же трехъ козакахъ, кои жили здбсь, по сосбдству съ нами, зимовниками, а равно и о именахъ ихъ и прозваніяхъ, за давностію уже не помню.

Но возвратимся опять къ Половицб: отъ чего она получила свое названіе? - Въ сихъ мбстахъ, начиная отъ Старыхъ-Кодакъ, какъ я еще помню, и до Новыхъ, по всей горб, простирающейся по надъ Днбпромъ, были чрезвычайно великіе лбса и густыя чагарники, между коими чагарниками были и поляны сбнокосныя, кои въ разсужденіи малаго числа жителей и не бывалыхъ еще до того времени зимъ, никогда неискашивались и хлббопашествомъ не засбвались, по каковымъ причинамъ грунтъ земли на оныхъ полянахъ отъ древности сильно утвердившись, таковое множество производилъ полуницъ т.е. ягодъ полуничныхъ, что отъ изобилія оныхъ всб окрестные жители въ удивленіе приходили, и ни кто ихъ собрать не могъ. И если бывало оныя поспбютъ и захочетъ кто изъ любопытства пробхать повозкою чрезъ тб поля, то всб колеса такъ сдблаются мокры, какъ отъ воды, а краскою покрываются, будто краснымъ сафьяномъ обшиты; отъ каковой чрезвычайной и неслыханной рбкости и удивленія людскаго названо и мбстечко оное отъ предковъ нашихъ, Запорожцевъ, Половицею, въ коей множество было полуницъ. Теперь слбдуетъ сказать еще и о Новороссійскб. Половица и по атакованіи еще Сбчи долго существовала, даже дотоль, пока Кременчугская губернія переведена была въ Половицу и переименована Новороссійскою губерніею, и какъ-бы имбла нбкоторое состязаніе съ Новороссійскомъ и долго ему противилась, по той причине, что городъ получившій названіе Новороссійска¹²), построень былъ прежде не на мбстб Половицы, но по ту сторону Днбпра, при самомъ устьб рбчки Самары, гдб нынб Горбнь и оставался на

томъ мбстб не болбе 2-хъ лбтъ. Ибо когда умножилась вода въ Днбпрб и въ Самарб, во время сильнаго половодья (не помню въ какомъ году), по причинб низменнаго и не такъ выгоднаго для города тамъ мбста, весь Новороссійскъ покрыть былъ водою, а потому уже и не принуждены со всбми правами и судами т.е. присутственными мбстами, перенестися въ Кременчугъ, на старое свое мбсто. И когда не Новороссійская, но Кременчугская стала быть опять губернія, то Половица все еще не теряла своего титула и славилась старбйшинствомъ своимъ до позднихъ лбтъ, т.е. по 1786 годъ¹³), даже до самаго прибитія Императрицы въ здбшнюю Украину и до устроенія города Екатеринослава. И когда она увидбла, что Половица между Кременчугомъ Новороссійскимъ и Екатеринославомъ, какъ-бы неутралитетъ держитъ, то и сказала, кому Богъ прежде поможетъ, того и она сторону возьметъ. Теперь надбно намъ возвратиться къ обуреваемому волнами Новороссійску, ибо онъ освободясь отъ потопленія со всбми высшими правами укрылся въ Кременчугскомъ пристанищб, а низшіе его суды, какъ-то: убздный, земскій и полиція, неубоясь воднаго естества оставались тутъ-же на Самарб, и во время половодья и не далеко оттолб въ Новоселицб, противу быстроты рбчной, какъ-бы на быстрыхъ крыльяхъ перелетбли, ибо Самара, послб Запорожья, по распоряженію губернскаго начальства Новоселицею переименованная, получила уже себб новое Россійское названіе, и по учрежденіи въ ней убзда Новомосковскаго, самый городъ, въ разсужденіи своей судебной зависимости принадлежалъ тогда къ Кременчугской губерніи, а не къ Новороссійской; и такъ Новороссійскъ славившійся своими преимуществами и торжествовавшій надъ Половицею, утратилъ на всегда свое достоинство, невозвратно. Наименованіе-же его было Новороссійскъ, по мнбнію моему, отъ слова Новая Россія, ибо вся сія Украина, и вся палестина со всбхъ трехъ губерній состоящая, не есть издревле собственно наша земля, но чужая и чужихъ владбльцевъ и въ послбдствіи времени разными способами, случаями и разными Россійскими Царями приобрбтена, завоевана и присоединена вновь къ истой нашей Россіи, отчего и названа Новороссія или Новая Россія; а слбдовательно и Новороссійскъ городъ, отъ сего названія воспріялъ свое начало. Наконецъ узнаемъ и о существующемъ нынб Екатеринославб (о коемъ и рбчь наша): по каковому случаю и онъ получилъ свое наименованіе. Но поелику между сею эпохою шествовала Екатерина по всбмъ Россійскимъ городамъ и областямъ, то и мы также начнемъ прежде, о семь, повбствованіе наше.

Глава IX

О путешествіи императрицы

Когда блаженной памяти Императрица Екатерина II, изволила выехать из столицы в 1785 году 14), для обозрѣнія и посѣщенія всѣхъ вѣрноподданныхъ чадъ своихъ, то не подобало ли быти всѣмъ имъ бдящимъ и чающимъ пришествія господна своего, и не довлѣло ли быти въ готовности къ принятію такого рѣдкаго и великаго гостя? Дѣйствительно должны были всѣ быти во всякой исправности, ибо мы (просто рещи) суще и сынове Господа, но обовязаны другъ другу каждому воздавати должная, по реченному, колыми-же паче царскому лицу, яко помазаннику Божію, подобаеъ всякая честь и слава. Потому уже не только во всѣхъ Россійскихъ губерніяхъ и городахъ, гдѣ были назначены станціи и перепочивки, устроены царскіе гостинные и великолѣпные дворцы и по всѣмъ трактовымъ мѣстамъ, расчищены были трактовые дороги и устроены версты надлежащимъ порядкомъ; словомъ, все приведено было въ наилучшій видъ благопристойности. Также и въ Малороссіи, начиная отъ предѣловъ ея, примыкающихся къ Россіи, до самого Кіева, вдоль по трактовымъ мѣстамъ, расчищены были большія дороги, а гдѣ лѣсныя мѣста - дѣлали просѣки и по всѣмъ таковымъ большимъ дорогамъ, съ обѣихъ сторонъ ставили частыя кучки, а въ иныхъ губерніяхъ вмѣсто кучекъ дѣлали земляныя треугольнички, по гетмански называемые "брылики или брыли", въ коихъ кучахъ и треугольничкахъ насаживали разныя деревья, по обѣ стороны дороги, отъ чего видъ былъ чрезвычайный, какъ на картинѣ. Изъ числа сихъ деревьевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до днесь еще многіе существуютъ и поросли очень велики, толсты и высоки.

Въ здѣшней-же украинѣ т.е. въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, по грунту земли и достатку дикаго камня, были поставлены, на трактовыхъ дорогахъ, высокіе каменные мили, одна отъ другой въ 10 верстахъ; нѣкоторые изъ нихъ и доселѣ по Херсонской дорогѣ видны и называются памятниками Потемкина 15), поелику оны приказалъ ихъ въ тѣ времена устроить. Потомъ, когда уже Императрица изволила выехать изъ Россіи, въ Малороссію, то прямымъ путемъ достигла даже до самаго Богоспасаемаго града Кіева, гдѣ посѣщала храмы Господни и святыхъ мѣста, въ которыхъ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ, и потомъ осмотрѣвши всѣ достопамятности, древняго и славнаго города Кіева и всѣ мѣстоположенія онаго, заблагодарасудила въ ономъ остаться, на все зимнее время. Новороссійская же наша украинна, бывъ предварена о прибытіи Императрицы въ Кіевъ, также была во всей исправности, относительно встрѣчи Государыни. По предписанію, указомъ Кременчугской губерніи, Ново-Кодацкому городничему Василю Ильичу Шостику, выстроены были въ Новыхъ-Кодакахъ великолѣпный царскій дворецъ; но приставники онаго или смотрители, когда начали окуривать онаго комнаты, какими-то благовонными ароматами, то по неосторожности зажгли комнату, и весь царскій дворецъ обратили въ пепель.

Когда было донесено Императрицѣ о згорѣвшемъ дворцѣ, то она указомъ повелѣла, чтобы таковой-же дворецъ, выстроенный въ Малороссіи, надъ рѣчкою Орелью, въ мѣстечкѣ Царичанкѣ, разобрать, и перевезти въ Новые-Кодаки, и поставить опять на том-же мѣстѣ, что было и учинено вскорѣ по той причинѣ, что Императрица не располагала уже быти въ Царичанкѣ, а предположенъ былъ ей путь особый. Ибо она, по окончаніи зимы, въ слѣдующую весну, когда отправилась изъ Кіева, то изволила шествовать не сухопутьемъ, а водою, въ низъ по Днѣпру, на великолѣпномъ и разукрашенномъ фрегатѣ, со всею царскою свитою, и продолжала свой путь на таковыхъ водоходныхъ судахъ до самого Кременчуга, а оттолъ и до нашихъ предѣловъ. Но по причинѣ весеннихъ непостоянныхъ вѣтровъ и сильныхъ непогодъ, не могла достигнуть до Новыхъ-Кодакъ, водою, а выше Романкова, противу дачи помѣщика Сошина, велѣла выгрузиться на сухопутье и въ каретѣ уже изволила прибыти къ царскому Ново-Кодацкому дворцу. Съ нею прибылъ вмѣстѣ и Римскій Императоръ Іосифъ и свѣтлѣйшій Потемкинъ. Римскому Императору отведена была квартира, въ домѣ священника Кодрата, - этотъ домъ еще и по сіе время существуетъ; а Потемкинъ былъ въ царскомъ

дворцѣ, въ особыѣхъ палатахъ. И такъ Императрица изволила пробыть въ томъ царскомъ дворцѣ болѣе недѣли, дожидаясь своихъ водоходныхъ судовъ и всей царской свиты; между симъ временемъ посѣщала она Половицу и всѣ мѣстоположенія и окрестности оной обозрѣвала. Здѣсь-же въ Новыхъ-Кодакахъ, у берега рѣки, до прибытія Императрицы, выстроена была по повелѣнію ея, высокая башня, для пристани судовъ, родъ колокольни, безъ верха, съ малымъ куполомъ, наподобіе маковки, и сдѣланъ былъ изъ башни, на рѣку Днѣпръ, деревянный небольшой мостъ, сажня на три длиною, въ воду; вся-же башня расписана была разными цвѣтами.

Потомъ когда уже пришли царскіе суда до Новыхъ-Кодакъ и стали на якоряхъ, по всему Днѣпру, противу выстроенной башни, то видѣ казался взору чрезвычайно удивительнымъ, поелику весь Днѣпръ украшенъ былъ разныхъ цвѣтовъ, на судахъ, распущенными знаменами. Когда донесено было Императрицѣ, что суда прибыли къ Кодацкой пристани, то въ ту же минуту, велѣла она Потемкину спросить здѣшнихъ Старо-Кодацкихъ и Камянно-лоцманскихъ лоцмановъ: могутъ-ли ея суда пройти чрезъ пороги? и когда было сіе учинено и лоцманы Старо-Кодацкіе осмотрѣли, въ присутствіи Потемкина, царскія суда, то отвѣчали Потемкину, что ни одно судно, чрезъ пороги пройти неможетъ, по той причинѣ, что суда были всѣ съ деменами, т.е. съ рулями, кои очень глубоко идутъ въ водѣ; а просили Потемкина, чтобы позволено было всѣ рули выбросить, а придѣлать стерна, т.е. опачины, или длинные веслы. О какихъ-вѣхъ всѣхъ обстоятельствахъ Потемкинъ, объяснивши Императрицѣ, велѣлъ демена отбросить, а стерна вдѣлать; что было и учинено.

Тогда Императрица вздумала и сама, первое, осмотрѣть башню, которой она еще не видала; а второе, поглядѣть и на стерна, для чего приказала свѣтлѣйшему, чтобы одно судно, въ коемъ она изволила путешествовать, придвинуто было къ башнѣ, до самаго мосту, и затѣмъ прибъхавши съ Римскимъ Императоромъ къ пристани и вышедши изъ кареты, осматривала башню, и прошедши воротами сквозь оную, дойдя по мосту до судна, осмотрѣвъ стерно, удивлялась много. Ибо она еще никогда таковыхъ орудій, на простыхъ судахъ не видѣла и сказала: можетъ-ли судно такую чудною лопатою исправно дѣйствовать, и пройти чрезъ пороги? тотчасъ приказала двинуть судно в походъ и дѣйствовать онымъ сюда и туда, для пробы, и пристать къ мѣсту, гдѣ оно и прежде было. Когда увидѣла, что здѣшніе Камянно-лоцманскіе и Старо-Кодацкіе

лоцманы, сидѣвшіе тогда на ономъ суднѣ, управляютъ лопатою, самымъ чуднымъ, проворнымъ и удивительнымъ образомъ, то улыбнулась и была очень довольна распоряженіемъ Потемкина, и велѣла ему спросить, кто между ними т.е. между лоцманами по старше и кто называется у нихъ отаманомъ и замѣтитъ имя и прозваніе.

Что было и учинено. Первый изъ нихъ былъ отаманъ Моисей Ивановичъ Полторацкій, житель лоцманской Камянки, а второй, товарищъ и помощникъ его прозваніемъ, Непокрытенко, изъ Старыхъ-Кодакъ жительствомъ. Потомъ Государыня возвратясь обратно въ дворецъ приказала свѣтлѣйшему, чтобы лоцманы рушили въ походъ со всѣмъ царскимъ ея флотомъ, до пороговъ, когда залагаема и освящаема будетъ на горѣ соборная церковь. На другой день, послѣ того, изъ Новых-Кодакъ Императрица изволила шествовать со всею царскою свитою, въ разныхъ богатыхъ и великолѣпно убранныхъ экипажахъ, до назначеннаго мѣста, на коемъ имѣла быть заложена церковь, гдѣ нынѣ оная и сооружена 16). Около того мѣста устроена была палатка 17), для походной полковой церкви, въ коей тогда отправлялось служеніе и преосвященный Амвросій, совершалъ литургію, гдѣ и я, грѣшный старецъ Коржъ, удостоился быть. Пришедъ на начало, я слушалъ св. литургію, стоя въ самой срединѣ, около пѣвчихъ. Прибывши-же Императрица къ полковой церкви съ Римскимъ Императоромъ и вышедши изъ кареты, изволила итти въ церковь по сходцамъ, и свѣтлѣйшій поддерживалъ ее подъ руку: ибо оная церковная палатка была на аршинъ, или глубже, вкопана въ землю, а потому и ступеньки въ нее подѣланныя были устланы, какъ онѣ такъ и полъ всей церкви, разноцвѣтными коврами. Въ церкви во время служенія не было никого больше, кромѣ пѣвчихъ, да прибывшихъ съ Государынею фрейлинь 12 душъ.

Римскій Императоръ только заглянулъ в церковь и пошелъ тотчасъ со свѣтлѣйшимъ и прочими генералами къ тому мѣсту, гдѣ расчищали землю, подъ заложеніе собора. А вся свита царская съ прочими зрителями, коихъ было многое множество, или лучше сказать несмѣтное число разнаго народа, званія и пола, всѣ вокругъ стояли; да и не только съ здѣшнихъ мѣстъ и околичныхъ городовъ и селеній, но и самые дальніе, за нѣсколько сотъ верстъ живущіе люди, сюда прибѣжали, ради сугубой причины: какъ для церемоніи церковной, при заложеніи церкви, такъ и ради прибытія Императрицы, дабы удостоиться увидѣть Ея царское лицо. Да и кто не почудится такому важному зрѣлищу, можетъ быть и во 100 лѣтъ, или въ

нѣсколько вѣков, въ здѣшней украинѣ, въ первый разъ еще случившемуся? Азь же убогий старецъ Коржъ, стою въ церкви и ожидаю окончанія св. литургіи. Когда-же окончена была литургія, то преосвященный Амвросій поднесъ крестъ Императрицѣ, къ коему Она приложившись, поклонилась на обѣ стороны и пошла къ вышереченному устроиваемому мѣсту, на заложение церкви, въ провожаніи свѣтлѣйшаго, который тогда опять пришелъ въ церковь полковую, подъ конецъ уже литургіи. Мѣсто-же устроиваемо было подъ церковь, по размѣру только и смѣтѣ: гдѣ долженъ быть фундаментъ, одни дорожки почистили, да землю поравняли, ибо на скорый и внезапный случай не успѣли вырыть фундамента, а рыли уже рвы послѣ пробѣзда царицы.

Тутъ также по срединѣ мѣста сего, гдѣ долженъ быть престоль церковный, выкопана была большая яма, на подобіе пещеры или склепу, глубиною почти въ сажень, а шириною болѣе двухъ, вся устланная камнемъ, съ таковыми-же сходцами, кои покрыты были коврами, какъ и весь полъ склепа. Въ семь склепѣ устроена была еще и маленькая пещерка или печурка, "ковчежець" (родомъ шкапки или шуфлядки 18), подъ самый бокъ склепа, глубоко удѣлана и устлана тоже дикимъ камнемъ, для сохраненія царской грамматы, на золотой доскѣ написанной. Потомъ начать былъ церемоніаль, случаю сему приличный, такимъ образомъ весь соборъ архіерейскій со всѣмъ духовенствомъ, и со всею процессією зашедши сначала от полудня, потомъ обратясь къ востоку сдѣлали крестный ходъ прямою среднею линією, по расчищенному мѣсту, до самого центра, гдѣ долженъ быть престоль, а преосвященнѣйшій Амвросій идучи с крестомъ, кропилъ святою водою на обѣ стороны, и пришедши церемоніально къ уготованному мѣсту большой пещеры, какъ выше сказаль, остановились всѣ какъ преосвященнѣйшій, такъ и Императрица съ Римскимъ Императоромъ и свѣтлѣйшимъ, и начали чинно сходить по ступенькамъ въ оную пещеру, гдѣ ставши, по обычаю слушали церковное славословіе, совершавшееся по чиноположенію, по окончаніи коего преосвященнѣйшій прочитавъ молитву, освятилъ граммату и мѣсто, и окропилъ все сіе, святою водою, крестообразно.

Потом Императрица перекрестившись, къ востоку, и поклонившись на обѣ стороны, изволила сама взять граммату своими руками и положивши оную во уготованномъ мѣстѣ пещерки, какъ выше сказаль, опять перекрестилась и поклонилась на обѣ стороны. За симъ вслѣдъ изволила жертвовать также и день-

гами, серебряною и золотою монетою, а сколько оныхъ числомъ, мне неизвѣстно, но знаю, что и онѣ тудаже были положены, гдѣ и граммата. Между симъ временемъ и дѣйствіемъ, архіерейскіе пѣвчіе пѣли Императрицѣ многолѣтствіе и всей царской фамиліи. Потомъ, въ продолженіи духовной царской музыки и пушечной пальбы, каменщики живо принялись за свою работу, и замурававши все то мѣсто, гдѣ долженъ быть престоль, поставили въ верху склепа, каменный крестъ. Императрица стояла при нихъ дотолѣ, пока все дѣло было кончено и приведено въ порядокъ, какъ следуетъ. Такимъ образомъ церемоніаль былъ конченъ, мѣсто освящено и соборная церковь заложена на имя Императрицы Екатерины о 12 престололахъ. Въ то же самое время, въ тотъ день и часъ и городъ сей, отъ усть самая Императрицы, получилъ свое наименованіе: въ честь и славу Великой Екатерины II, названъ Екатеринославомъ и повелѣно было, имяннымъ Высочайшимъ указомъ въ томъ-же году, Кременчугскую губернію 19) перевести въ бывшую Половицу и назвать губернію Екатеринославскою; что и учинено въ скорѣ.

Въ каковомъ событіи, при таковыхъ важныхъ и рѣдкихъ встрѣтившихся тогда обстоятельствахъ, благословенная наша страна и доселѣ еще благоденствуетъ и покоится покровительствомъ милосерднаго отца, всеавгустѣйшаго Императора нашего Николая Павловича, четвертаго уже послѣ Императрицы Самодержца. - Жители бывшіе доселѣ въ Половицѣ, всѣ разошлись по другимъ селеніямъ на жительство, по предоставленной имъ указомъ волѣ, куда кто пожелаетъ, изъ нихъ одна большая часть переселилась въ Сухачевку, а другая меньшая часть, перешла въ Мандриковку, въ коей тогда только одинъ козакъ сидѣлъ зимовникомъ и занимался большею частію рыбною ловлею въ Днѣпрѣ. По прозванію Мандрики, около него поселившіеся Половицкіе жители, назвали селеніе свое Мандриковкою. Теперь возвратимся опять къ прежней матеріи. - На той самой горѣ, гдѣ заложень соборъ, и где была полковая церковь, какъ выше сказали, начиная отъ того самого мѣста, до нынѣшняго архіерейскаго дома и даже за богадѣльню, по всему пространству онаго взгорья, устроены были до прибытія еще туду Императрицы, прекрасные походные дома, изъ палатокъ, богато убранные и раскрашенные живописью и разными мебелями, однимъ богатымъ Кременчугскимъ купцомъ Фалбевым, по совѣту свѣтлѣйшаго князя Потемкина, съ тѣмъ намѣреніемъ, что Императрица, по заложеніи церкви и по окончаніи церемоніала, будетъ непременно кушать въ тѣхъ до-

махъ и опочивать, однакожь Императрица поглядѣла только на нихъ издали. О семъ ниже поясненъ будетъ, а упомянемъ прежде нѣскольکو о Фалбевѣ. Сей знаменитый купецъ по безчисленному своему богатству и миллионному капиталу былъ поставщикомъ или подрядчикомъ всѣхъ казенныхъ запасовъ и провіанта на всю Россійскую армію; а также содержалъ не только разные заводы литейные, селитренныя, пороховые и проч., но и всѣ фабрики, разныя мануфактуры безъ изъятія, по всей Россіи, были подъ его протекціею. А сверхъ того онъ занимался виннымъ откупомъ почти во всѣхъ губерніяхъ Россіи, Малороссіи и Новороссіи; словомъ богатѣйшаго человѣка въ тѣ времена почти ни гдѣ не было изъ числа Россійскаго купечества. - Потомъ, когда уже флотъ Императрицы, по данному преждему повелѣнію, изъ Новыхъ-Кодакъ двинулся и началъ приближаться Днѣпромъ противу самаго того мѣста, гдѣ было заложеніе соборной церкви, то Императрица увидѣвши оный пустившійся низомъ по Днѣпру, оставивши всѣ прочія дальности и предпріятія, по окончаніи бывшаго церемоніала поспѣшила и сама къ порогамъ, дабы увидѣть, какъ будутъ спускать царскій ея флотъ, чрезъ пороги, и потомъ сѣвши въ карету изволила ухать въ Ненасытець, гдѣ изволила кушать и опочивать, доколѣ флотъ подоспѣлъ къ порогамъ. Когда-же начали спускать первое ея царское судно чрезъ пороги, на коемъ суднѣ сидѣлъ тогда кормчій нашъ, вышеупомянутый Полторацкій, и когда бросилось оно обычно съ пороговъ въ бездну водную, съ страшнымъ шумомъ, то Императрица показалося, съ горы, что оно въ пенящихся волнахъ и глубокой пучинѣ на вѣки погрязло и погибло невозвратно, тогда Она очень скорбѣла и печалилась не за судномъ, а за людьми страдающими и жизнь свою потерявшими; но когда Ея свѣтлѣйшимъ было донесено, что судно цѣло и чрезъ пороги прошло безъ вреда, да и всѣ суда царскіе перешли чрезъ пороги благополучно и люди всѣ живы, и стоятъ у пристани, ожидая царскаго Ея повелѣнія. Тогда Императрица чрезвычайно обрадовалась о такомъ извѣстіи, и тотчасъ приказала свѣтлѣйшему представить къ ней того самаго лоцмана, который первымъ ея судномъ управлялъ, и когда лоцманъ явился, то она сама спросила его: ты-ли Полторацкій, отаманъ надъ лоцманами? - Тогда Полторацкій палъ на колѣни и отвѣчалъ Ей: я тотъ самый, о коемъ Вы изволили спрашивать. Потомъ сказала Императрица: жалую тебя Полторацкій, за твою вѣрную услугу поручикомъ. Есть-ли у тебя дѣти? продолжала Императрица. - Есть Ваше Императорское Величество! одинъ сынъ 13 лѣтъ,

сказалъ Полторацкій. Потомъ Императрица и сына его изволила пожаловать прапорщикомъ и общала прислать имъ грамоты на чины и на дворянство всему ихъ потомству. Когда наконецъ весь флотъ царскій пошелъ водою, внизъ по Днѣпру, до Херсона, тогда Императрица изволила уже далѣе путешествовать сухопутьемъ, куда Ей заблагоразсудилось. Дворецъ же царскій оставшійся въ Новыхъ-Кодакахъ, наполненъ былъ по повелѣнію свѣтлѣйшаго, чулошными фабрикантами, переведенными изъ Бѣлорусіи и изъ мѣстечка Дубровнаго: тутъ фабриканты жили дотолѣ, пока въ Екатеринославѣ устроены были новыя фабрики, и перешедши въ оныя, разобрали и дворецъ царскій, на постройку тѣхъ-же фабрикъ. Въ Екатеринославѣ первымъ губернаторомъ былъ Синельниковъ, а по немъ Селецкій; жили они повременно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ архіерейскій, ибо домъ этотъ былъ казенный и существовалъ еще до прибытія Императрицы. Свѣтлѣйшаго же князя Потемкина дома выстроены были по пробѣдѣ Императрицы; прежде вырыты были рвы 20) на фундаментъ, выше нововыстроившейся нынѣ церкви, возлѣ нынѣшнихъ солдатскихъ лазаретовъ, въ тѣ поры, когда свѣтлѣйшій былъ еще въ Екатеринославѣ съ Императрицею, а по пробѣдѣ ея предписалъ, чтобы строить дома его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ они стоятъ. Тутъ былъ посѣянъ тогда мой ячмень, и еще не собранъ былъ, какъ начали каменщики размѣрять на фундаментъ, и мы съ Глобою оставивши свое жилище и садъ нами заведенный удалились оттуда, по своимъ мѣстамъ. Потемкинъ въ своихъ домахъ почти никогда не былъ, до кончины своей. Кирпичъ-же, на строеніе тѣхъ свѣтлѣйшаго домовъ, привозили изъ Кіева лодками по Днѣпру, а присланное Императрицею изъ Петербурга, на другой-же годъ, золотыя паникадила, дорогія лампы и занавѣси, для новостроющейся соборной церкви, висѣли уже потомъ въ домахъ свѣтлѣйшаго.

Глава X

О радутахъ и фигурахъ запорожскихъ

Хотя намъ уже и извѣстны Запорожскія границы, бывшія тогда съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, гдѣ начинались и гдѣ кончались, какъ выше сказано, но неизвѣстны радуты и фигуры, кои устроены были по ту сторону Днѣпра, отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, начиная отъ устья Орѣли, по самую Конку рѣку. Сквозь по надъ самымъ Днѣпромъ, около воды, построены были родъ убѣдныхъ дворовъ и назывались радутами, которая радута одна отъ другой были въ 10, 20 и 30 верстахъ, судя по мѣстоположеніямъ открытыхъ и закрытыхъ мѣстъ, дабы одна другую могла видѣть. Всякаго радута строеніе было просторное, подобно казармѣ или Сѣчевымъ куринямъ, безъ чулановъ и перегородокъ, съ сѣнями и одною чрезъ сѣни коморкою для поклажи, покрыты были обычнымъ тесомъ, а иногда и камышомъ, обведенъ былъ радуть просторнымъ дворомъ и деревяннымъ заборомъ, въ срединѣ съ конюшнями для приѣзжихъ лошадей; по сему и всѣ радуты были устроены такимъ-же фасономъ. Въ сихъ радутахъ жили козаки гетманскіе, у коихъ шапки были четверугольныя съ длинными рожками, а иногда и Запорожскіе, всегда безотлучно находились въ радутѣ по 50 человекъ, перебиваясь ежегодно. Сии козаки назначались для бекетовъ и разъѣздовъ на счетъ непріятеля. Около каждого изъ вышепоказанныхъ радутъ въ двѣра, построены были фигуры, чудныя и удивительнымъ манеромъ, разстояніемъ отъ радута въ поль или въ четверть версты, но не ближе, для осторожности отъ огня. Каждую фигуру строили они изъ 20 бочекъ смоляныхъ, такимъ образомъ: прежде съ самаго начала начинали основаніе фигуры или фундаментъ на 6 бочкахъ, кои переверотивши всѣ, на

сторчъ, ставили ихъ на землю упитанную смолою, плотно кругло, одну возлѣ другой, родомъ кучки гетманской, коею обгораживали деревья на шляхахъ, или на подобіе самаго большого винокурнаго чана, такъ, чтобы въ срединѣ онаго бочковаго циркуля, было пустопорожжее мѣсто. Связывали сей циркуль или шаръ бочекъ стоящій на землѣ, самымъ искуснѣйшимъ и прочнымъ образомъ толстыми смоляными канатами; но не забудемъ припомнить и того, что всѣ 20 бочекъ, изъ коихъ начинаютъ строить фигуру, были бездонныя каждая въ горѣ имѣла только по одному дну, на исподѣ, съ нижняго края; потомъ на тотъ-же самый нижній бочковый циркуль, ставили другой шаръ или сводъ изъ 5 уже бочекъ, такимъ-же образомъ и способомъ какъ и первый, а за симъ сводомъ выше третій шаръ ставили изъ 4 бочекъ, за третьимъ еще выше укрѣпляли четвертый шаръ изъ 3 бочекъ, а также и на четвертомъ сводѣ ставили еще 2 бочки все въ гору, дважды, пока мѣсто оставалось на одну только бочку въ верху, то сія послѣдняя бочка чуднѣе и бѣднѣе всѣхъ двадцатеричнаго числа бочекъ, по той причинѣ, что всѣ бочки имѣли по-крайней-мѣрѣ по одному дну, для собственнаго названія бочекъ, а сія послѣдняя неимѣла ни одного, а только обтянута была обручами; а потому и имени бочки, по недостаткамъ своимъ, не заслуживала, обаче низкостію своею превышала всѣхъ прочихъ, и поставляли оную на самомъ верху двухъ бочекъ, вмѣсто купола, какъ маковку, а чрезъ сіе самое и прочія уже бочки получали свое желаемое достоинство и совершенный видъ фигуры. Но для чего она выстроена? — Любопытство потерпит, а мы еще прибавимъ на счетъ ея. Въ сей фигурѣ, на самомъ верху, въ бездонной бочкѣ вѣдлана была перекладина, думать надобно желѣзная, какъ разъ по срединѣ бочки, въ верху съ блокомъ, и навѣшенъ былъ на оную перекладину шнуръ, такъ длинный, что оба концы его лежали на землѣ. Одинъ конецъ висѣлъ на дворъ спущенъ по фигурѣ свободнымъ, а другой конецъ шнура опущенъ былъ въ средину фигуры, по коему концу, сажня на полтора, привязанъ былъ и дротъ желѣзный съ великимъ пучкомъ мочулы, вареной въ селитрѣ; сей селитренный пучокъ висѣлъ въ фигурѣ дотолѣ, пока надобность укажетъ. Но еще не все, надобно потерпѣть. Въ каждомъ радутѣ, надъ гетманскими козаками устроены были начальникъ, по ихнему есаулъ, который командовалъ надъ ними и дѣлалъ распоряженіе, такъ, чтобы у фигуры безсмысленно были часовые, два или три человекъ, а изъ прочихъ козаковъ дѣлалъ, бекеты и отряды для разъѣздовъ. Козаки обмундированы были самою лучшею гетманскою амунициею,

при всемъ военномъ оружїи, какъ-то: мушкетъ, ратище, сабля и четыре пистоля. Отряды составлялись изъ 5, 10 и болѣе козаковъ, кои разѣбзжали на верховыхъ уборныхъ лошадахъ отъ радута до радута, по своихъ станціяхъ, а также и на степахъ, гдѣ жатвы и покось бываетъ; а иные пробзжали до самой границы и высматривали непрїателя, съ которой стороны появится. Ибо въ тогдашнія времена Ногайцы и Крымскіе Татары сильно безпокоили Запорожцевъ и Гетманцевъ, (по той-то причинѣ и гетманъ дѣлалъ вспоможеніе Запорожцамъ своими козаками), такъ, что собравшись въ одно мѣсто великими толпами, дѣлали набѣги, захвачивали скоть и овцы, грабили и убивали людей, разоряли слободы и зимовники, и отводили многихъ въ плѣнъ. А потому-то наши отряды и бекеты, если увидятъ бывало гдѣ нибудь, приближающуюся орду къ предѣламъ Запорожскимъ и Гетманскимъ, то тотчасъ, въ ту же минуту, верховые козаки бѣжаты во всю прыть къ ближайшимъ радутамъ и даютъ знать, что непрїатель близко и тогда уже есауль скачетъ съ козаками къ фигурѣ и зажигаетъ оную посредствомъ вышепрописаннаго фитиля живо, и когда разгорится, то и прочимъ радутамъ даютъ чрезъ сіе знать. И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ разгораются и даютъ всѣмъ жителямъ осторожность, кои въ степяхъ и въ лѣсахъ и на плавняхъ занимаютъ разными своими работами; дабы уходили со скотомъ своимъ въ слободы и спасали-бы жизнь свою. Потомъ уже и всѣ полки Запорожскіе, стоящїе по Паланкамъ, для запаса собираются вмѣстѣ; дѣлаютъ сраженіе и побѣждаютъ непрїателя и выгоняютъ его изъ своихъ предѣловъ. Вотъ для чего устроены радуты и фигуры. Изъ числа ихъ одинъ радуть и фигура устроены были за Днѣпромъ, противу самыхъ Новыхъ-Кодакъ, и если кому заблагоугодно будетъ изъ читателей сего моего описанія, то я (говорить Коржъ) пока еще живъ, приведу на самое то мѣсто, и покажу гдѣ была оная фигура и смолянныя знаки.

Еще слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ хищныхъ поступковъ непрїателей, въ малыхъ ихъ шайкахъ бываемыхъ, а тутъ-же вмѣстѣ противу того и осторожности Запорожскихъ бекетныхъ козаковъ.

1-е) Дикіе Ногайцы подобны были тогда хищнымъ дикимъ птицамъ, высоко въ гору возносящимся, кои для того въ гору единственно поднимаются, дабы скорѣй увидѣть свою добычу и насытить жадную утробу. Такъ и они, дабы наполнить свои кровожаждущія руки грабежемъ и убійствомъ, всегда въ обычаѣ ихъ было, въбзжаютъ прежде верховыми лошадьми на

высокія могилы, или курганы, по 6 и по 10 человекъ вмѣстѣ, кучами, и въбхавши на оныя разсматриваютъ, гдѣ пасутся стада, и гдѣ находятся люди въ работѣ; тогда уже нападаютъ на людей, берутъ въ пленъ и грабятъ скоть. И сіи набѣги весьма часты бывали отъ малыхъ воровскихъ ихъ шаекъ, въ коихъ не болѣе ихъ бывало, какъ отъ 10 до 20 человекъ, на отборныхъ и испытанныхъ лошадахъ, и притомъ вкрадывались малыми шайками для того, чтобы и уйтить можно было удобнѣе въ неудачномъ случаѣ.

2-е) Равнымъ образомъ и Запорожскіе бекетные козаки, въ осторожность свою употребляли тѣ-же могилы и курганы, въбзжая на оныя, могли усматривать въ далекѣ непрїательскія Нагайскія шайки. Но по всѣмъ радутамъ отданы были приказы, чтобы изъ числа разѣбздныхъ бекетныхъ козаковъ, всегда одинъ только въбзжалъ на могилу, а не 2, 5 и 10, какъ Ногайцы, которые въбзжали на могилу кучею, дабы народъ Запорожскій бываемый въ степяхъ, могъ имѣть различіе между непрїателемъ и своими козаками, о чемъ было и объявлено всему народу, по всѣмъ паланкамъ, зимовникамъ и слободамъ, и чрезъ то самое и выигрышь получали часто; потому, что увидя непрїателя, имѣли осторожность: собирались въ кучи по знакамъ, дѣлали таборы изъ возовъ и соединенными силами поражали непрїателя изъ ружьевъ, а часто и въ плѣнъ ихъ захвачивали. Ибо всякій поселянинъ, бѣдучи въ степь, всегда имѣлъ для запаса, въ возѣ, мушкетъ, а Ногайцы стрѣляли только изъ луковъ, ружей-же у нихъ не было; и когда выкидаютъ стрѣлы, то тогда остаются пасы.

Однако о Ногайцахъ, и бывшихъ съ ними произшествіяхъ, я не токмо слышатель, но почти очевидный свидѣтель.

Глава XI

О стародревних Запорожских селеніяхъ, бывшихъ еще до атакованія Сѣчи

Начнемъ прежде отъ Старыхъ-Кодакъ, вверхъ по Днѣпру. 1-е селеніе Старый-Кодакъ, имѣло свое титло до прибытія еще въ сію Украину древнихъ Запорожцевъ, кои назывались "Козарами"²¹). Сей Кодакъ былъ городомъ и находился подъ Польскою державою, въ немъ была устроена знатная береговая крѣпость, обведенная глубокимъ ровомъ и высокимъ землянымъ валомъ съ подземными воротами. На сихъ мѣстахъ и доселѣ еще зрятся знаки развалинъ и бывшихъ канавъ. Въ сей крѣпости жилъ некогда Польскій князекъ, въ родѣ коменданта и командовалъ симъ участкомъ земли, населенной Поляками, начиная отъ нынѣшней Польской границы, по Днѣпру, до границы Турецкой, къ великому лиману примыкающей, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ. Все это пространство земли было Польское: завидный кусокъ и выгодный кутокъ. Вышедшіе-же Козары, по пересказамъ, изъ за Кіева, подъ предводительствомъ тогда главнаго ихъ полководца Кошевого Германа, съ великою силою народа, сбѣвши по ту сторону Днѣпра отъ сѣверо-восточной стороны, сбѣгались князю Польскому очень близкими сосѣдями. Здѣсь-то Германъ Кошевой видя для себя и для команды своей, на счетъ постоянного жительства, тѣсное мѣсто, и притомъ имѣя въ виду и другія намбренія

и будущія предположенія по обычному и удачному своему форсу, раздѣлили всю свою команду на три части: первую водворилъ въ сосѣдствѣ помянутаго князика; вторую поселилъ надъ Дономъ, а третью - изъ отборныхъ храбрыхъ Козаровъ, выбранную около 15,000 войска, взялъ съ собою и пошелъ прямо къ Сибири и всю оную дикую страну въ продолженіи не такъ долгаго времени, разными способами и удачными случаями, покорилъ и присоединилъ къ державѣ Россійскихъ Самодержцевъ. А потому уже изъ первой части Казаровъ оставшихся на жительствѣ у Днѣпровыхъ пороговъ, получившихъ отъ нихъ названіе (какъ выше сказали) произошли и всѣ присловутые Запорожцы²²). И отъ умноженія своего чась отъ часу тѣснились долго своимъ участкомъ земли, даннымъ имъ отъ Германа. Потомъ король Польскій жившій сначала съ Запорожцами въ дружбѣ, подарилъ по прозьбѣ ихъ всю область Кодакаго князика и предписалъ указомъ, дабы Поляки переселились въ другое мѣсто; а Запорожцамъ по ихъ крайней нуждѣ уступили-бы всю свою шляхетскую дѣдичну. Но Польскій старшина, бывшій тогда съ князькомъ въ Кодакахъ, послѣдовавшій отъ короля указъ утайлъ и не хотѣлъ уступить Запорожцамъ своей кровной и наслѣдственной осѣдлости; Запорожцы-же сугубою своею доукою Королю, вынудили у него чудное и мудреное словцо, или лучше сказать обоюдное, и въ отношеніи обѣихъ сторонъ гибельное, какъ видѣли мы въ послѣдствіи времени на счетъ потери Сѣчи и всего рушившагося Запорожья. Ибо по пословицѣ: ища чужаго свое потеряешь. Вотъ словцо королевское, сказанное Запорожцамъ: попухните ихъ хорошенько оттуда, если они т.е. Поляки, нехотятъ добровольно уступить вамъ земли своей! - И какъ начали пугать Поляковъ, Запорожцы, то послѣ и король нерадъ былъ своему выпущенному изъ рта слову; и вмѣсто прежней дружбы сбѣгались непримиримыми врагами: ибо Запорожцы 7 лѣтъ Поляковъ душили, драли, грабили и убивали, и до тѣхъ поръ ихъ тѣснили, пока Поляки совершенно имъ уступили мѣсто и были прогнаны до самой бывшей границы, по рѣку Случь. По этому случаю и городъ Кодаки оставался уже въ Запорожскомъ владѣніи, да и нынѣ существуетъ и славится древностію своего названія, и оставшеюся Запорожскою рукою.

2-е селеніе Лоцманская-Камянка, получившее названіе отъ прозывавшагося козака Лоцмана, который сидѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникомъ и занимался рыбною ловлею, также славился искусствомъ по части водоплавныхъ судовъ, мимо каменныхъ утесовъ и пороговъ въ Днѣпрѣ.

3-е селеніе Половица о коей выше уже объяснили.

4-е селеніе Діевка отъ козака Дея изъ Новыхъ-Кодакъ первоначально выселившася на оное мѣсто, отъ него и селеніе получило свое названіе.

5-е Новые-Кодаки, мѣстечко сіе любезная моя родина, говорить Коржъ, существовало еще и во время Польскаго владѣнія (какъ выше сказали при описаніи Стараго-Кодака) а потомъ, когда оными завладѣли Запорожцы, то оно отъ случившагося въ немъ пожара обратилось въ пепель. До сгорѣнія-же выстроена была въ немъ церковь небольшая, деревянная, стараніемъ Запорожцевъ, покрытая соломой и камышемъ. Послѣ того, какъ церковь, такъ и все оное мѣстечко вновь было выстроено и названъ былъ городъ Новые-Кодаки. Въ немъ построена была и крѣпость удивительною и чудною архитектурою Запорожскою, и именно: весь городъ обведенъ былъ обычною глубокою канавою и острыми рогатками, въ двѣ лавы, на сажень отъ канавы. Въ семь городѣ было три башни деревянные, чрезвычайно искусно сдѣланныя: 1-я внизъ по Днѣпру, 2-я въ гору Днѣпра, а 3-я на полдень; надъ канавою вокругъ города устроены были земляной валь, хотя и обыкновенной величины и высоты, но съ четырьмя раскатами - по угламъ города, на коихъ были утверждены пушки, а притомъ на самомъ верху онаго вала поставлены были вокругъ лозовые, выплетенные кошело и насыпанные землею до верха, наподобіе маковки.

Сіи кошело плетены были внизу очень узко не шире аршина, а вышиною въ гору и въ горѣ шириною косоваго сажня, и ставляли ихъ по валу одинъ возлѣ другаго, такъ плотно, чтобы верхніе края кошелей сходились вмѣстѣ, или сцеплялись одинъ съ другимъ, а нижніе края утверждали на валу; и такъ сей кругъ или циркуль, стоящій на валу вокругъ города, казался издали наподобіе вѣнца съ коронами. Сіи кошело подбланы были на счетъ защиты противу непріятеля, такъ напр. если подступившій подъ городъ непріятель начнетъ бросать пули въ городъ и мѣтитъ прямо на бекетныхъ часовыхъ, на валу для защиты находящихся, то пули его остаются, ударяясь о земляные кошело, не дѣйствительными, и часовыхъ повредить никогда не могутъ; они-же сидя, лежа за кошелями (какъ въ Бендерахъ за стѣнами) будучи невредимы, безъ нужды уже изъ своихъ оружій, въ щели или въ окошка, между кошелями внизу находящіяся, поражаютъ непріятеля. Сія хитрая диковинка, хитрыми Запорожскими козаками выдуманная, была почти первая тогда, между всѣми, какъ нашими, такъ и непріятельскими крѣпостями самымъ искуснѣйшимъ образомъ

состроенная. Въ то время какъ она крѣпость была строена, я (Коржъ) пріѣхавши изъ Сѣчи въ Новые-Кодаки по надобности, и видя що люди роблять, зробивъ и соби для памяти, собственными руками два кошело, и отвизши волами на мѣсто, поставивъ якъ треба и насыпавъ землею. Чудно и удивительно, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было такое огромное зданіе, да и не такъ еще въ давнее время, едва уже и слѣды онаго видны.

6-е селеніе Сухочавка, названіе получило отъ одного козака, прозваніемъ Сухача, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и былъ первый основатель онаго селенія во время Запорожья.

7-е селеніе Тарамское, названіе получило отъ того, что оно было поселено надъ самымъ Днѣпромъ, у берега, и имѣя мѣстоположеніе, или грунтъ земли каменный, скелистый и весьма скучный, труской и безпокойный для пробъжихъ людей путь такъ, что когда повозкою кто ѣдетъ, то безпрестанный и сильный производить стукъ, и будтобы, какъ простые люди говорятъ "тартотить", отъ чего и Тарамское прозвано.

8-е селеніе Карнаухова, прозвано отъ козака Карнауха, сидѣвшаго нѣкогда тамъ зимовникомъ со скотоводствомъ и со всею худобою.

9-е селеніе Тритузное, тоже получило названіе отъ козака, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и прозывавшагося Тритузнымъ, который былъ первоначально основателемъ онаго селенія.

10-е селеніе Камянское, названо отъ козака, прозваніемъ Камянскаго, который имѣлъ тамъ зимовникъ и былъ осадчимъ онаго селенія.

11-е селеніе Романково, названіе получило не отъ прозванія козака, но отъ имени его Романа, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и скотоводство, а также и хлѣбопашество, коимъ и всѣ козаки, вышесказанные осадчіе, занимались большею частію рыбною ловлею, въ отношеніи хорошихъ и выгодныхъ мѣстоположеній и ставокъ, скрозь по надъ Днѣпромъ въ гору и въ низъ онаго простирающихся, и гораздо въ большемъ количествѣ, тогда изобиловавшихъ разнородною рыбою, чемъ въ нынѣшнія времена.

12-е. Теперь перейдемъ отъ полуденно-западной стороны къ сѣверо-восточной и скажемъ какія были стародревнія селенія по ту сторону Днѣпра, и во первыхъ начнемъ отъ Самары.

Сіе знатное селеніе получило названіе отъ рѣки Самары. Оно въ древности и отъ славнаго Запорожья славилось, да и нынѣ славится сугубо, по причинѣ тройственнаго названія, во имя святыхъ Троицы храма, въ немъ нынѣ существующаго. Первое названіе и имя Самары было отъ населившася первоначально

Запорожскаго народа надъ рѣчку Самарью. Второе названіе получило себѣ послѣ атакванія Сбчи, когда люди изъ Гетманщины и изъ Россіи начали приходить въ сію украину и поселились вновь по рѣчкѣ Самарѣ въ довольномъ количествѣ, тогда Самарь переименована была Новоселицею; а третье названіе получило оно отъ устроенія въ немъ уѣзда, за бывшей Кременчугской губерніи, во время устроенія Новороссійска въ Половицѣ, предъ путешествіемъ Государыни Екатерины, какъ выше сказали, и названо городомъ Новомосковскимъ.

Около мѣстечка Самари издревле устроены были и монастырь общежительный, тѣми-же Запорожцами, который и до сихъ поръ существуетъ. Въ немъ тогда было монашествующихъ около 20 человекъ, и населились туда оныя изъ Сбчи, а посвященіе и производство въ іеромонахи и во іеродіаконы получали въ Кіевской Лаврѣ, какъ и Сбчевыя монашествующіе, жили изъ подаянія очень достаточно. Церковь была деревянная, ризницею и церковною утварью чрезвычайно богатая; храмъ былъ Святителя Николая Чудотворца, отчего и названъ монастырь Самарскимъ-Николаевскимъ. Въ мѣсто настоятелей были въ немъ всегда попеременно строители изъ тѣхъ-же іеромонаховъ. Народъ Запорожскій имѣлъ особенное почтеніе и уваженіе къ монашествующимъ, и приходилъ великими толпами въ монастырь, какъ для поклоненія Николаю Чудотворцу, такъ и для назиданія душевнаго, отъ слышанія слова Божія, ежедневно въ церкви проповѣдуемаго, а особливо въ нарочитые праздники и годовые посты, въ кои они говѣли и исповѣдывались по христіанскому обряду и принимаемы были отъ монашествующихъ чинно и страннолюбово, съ особеннымъ пустынно-служительскимъ угощеніемъ, на каковый приемъ и витальницы т.е. гостепримныя дома устроены были совсѣми въ нихъ для поклонниковъ довлѣемыми потребностями; и въ сіе-то особенное и роковое время были чрезвычайныя для монастыря доходы и подаянія монашествующимъ.

13-е селеніе отъ Самари вверхъ по Днѣпру Старожилая Камянка, противу Новыхъ-Кодакъ, въ коей жилъ первый основатель оной, Каменскій, отъ коего она и названіе свое получила.

14-е селеніе Петриковка, названіе получила также отъ перваго поселившагося тамъ козака Петрика, занимавшагося въ зимовникѣ обычнымъ своимъ хозяйствомъ.

15-е селеніе Могилевъ, получило названіе свое отъ козака Могилы, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и бывшаго первоначально основателемъ онаго селенія.

Отсюда возвратимся назадъ, не по Днѣпру однакожь, но по рѣчкѣ Орели, тоже въ гору.

16-е селеніе Гупаловка, получила названіе отъ козака Гупала, который былъ первый житель въ семь селеніи и сидѣлъ первоначально тамъ зимовникомъ.

17-е селеніе Перещепина, на большомъ шляху, пограничное мѣсто съ Полтавскою ныне губерніею и конечное Екатеринославской губерніи селеніе, а равно и въ старину между Гетманщиною и Запорожскою землею, а также пограничное урочище сіе было, и будто-бы перещепивало т.е. раздѣляло Гетманщину отъ Запорожья; на семь мѣстѣ поселившійся первый козакъ основатель сего селенія, прозванъ по шуточному Запорожскому обычаю Перещепою, отъ коего и село Перещепина ведетъ свое названіе. Вотъ и всѣ стародревнія Запорожскія селенія, бывшія еще до атакванія Сбчи. А на прочихъ мѣстахъ, во всѣхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, были одни только зимовники, хутора и шалаши козацкіе, какъ и у кочующихъ Ногайцевъ, ибо всѣ вообще безъ изыятія пастухи, скитавшіеся по пространнымъ степямъ Запорожскимъ, какъ-то: табунщики, скотари и чобаны вели жизнь по шалашамъ кучуюшую и называли оныя кошами, какъ выше сказано при описаніи ихъ обычаевъ, а о селеніяхъ, также и о святыхъ церквахъ почти у нихъ и думки не было, или лучше сказать и понятія не имѣли, по той причинѣ, что во всѣхъ сихъ вышесказанныхъ нами 17 селеній, были только церкви въ 6 селеніяхъ, кромѣ Сбчи и монастырей, а именно: 1-я въ Старомъ-Кодакѣ, 2-я въ Новомъ-Кодакѣ, 3-я въ Самари, 4-я въ Карнауховкѣ, 5-я въ Романовкѣ и 6-я въ Могилевѣ; а всѣхъ церквей съ монастырскими и Сбчевою было во всемъ обширномъ пространствѣ Запорожскаго владѣнія только девять.

КОНЕЦЪ.

Примѣчанія

- 1) Въ исторіи "Новой-Сѣчи" г. Скальковскаго, относительно сего обстоятельства имѣется ошибка. См. предисловіе стр. VI.
- 2) По случаю пребыванія своего въ Москвѣ, Коржъ разсказывалъ многіе о себѣ, весьма забавные анекдоты. Напримѣръ: по природному любопытству своему онъ вздумалъ вымѣрять тамъ всѣмъ извѣстную, самую большую, въ Кремлѣ находящуюся пушку. И такъ взявъ веревку, не смотря ни на холодъ ни на глубокой тогдашній снѣгъ, къ ней и отправился. Но, добравшись, когда началъ пушку мѣрять, тотчасъ усмотренъ былъ караульными солдатами; взять и отведенъ на гаубвахту. Принявъ его за соглядатая, тутъ дѣлали ему разныя допросы. Изъ всѣхъ однакожь опытовъ, когда открылось, что онъ не другое что, какъ простой Запорожскій козакъ, остроумный впрочемъ и замысловатый; тогда сомнѣніе обратилось въ общій смѣхъ; чрезъ который Коржъ извѣстенъ сдѣлался и другимъ въ Москвѣ мѣстамъ и лицамъ, къ немалой пользѣ касательно цбли пребыванія его тамъ.
- 3) Здесь авторъ преданій впадаетъ въ анахронизмъ. Послѣ Мазепы Гетманствовалъ не Хмѣльницкій а Скоропадскій. См. Исторію Малой Россіи. М. 1822. Томъ IV, стр. 3 и 4.
- 4) Отъ казней сего рода, по совершенномъ уже опредѣленіи оныхъ виноватому, можно было избавиться однимъ только случаемъ: ежели дѣвушка объявитъ свое желаніе, вытти замужъ за преступника. Вотъ отсюда и вышло однажды довольно нѣчто смѣшное. Преступника вели уже на лобное мѣсто; несчетная толпа зрителей слѣдовала за нимъ: какъ вдругъ, подъ бѣлымъ покрываломъ, встрѣчается дѣвица, которая всенародно объявляетъ свое желаніе, вытти за осужденнаго замужъ. Разумѣется, всѣ остановились и замолкли; осужденный требуетъ, снять съ дѣвицы покрывало, дабы онъ могъ посмотрѣть на нее. Взгля-

нулъ, и заговорилъ: ну, когда уже на такой жениться: то лучше умереть. Ведите меня. Что и послѣдовало. Происшествіе сіе было въ г. Новомосковскѣ, въ тогдашней Запорожской паланкѣ, гдѣ мѣста шибиницъ и прочихъ казней, помня, еще нѣкоторые изъ жителей указываютъ ихъ любопытнымъ.

5) Въ ризницѣ Покровской находилось:

Евангелій большихъ и малыхъ, серебромъ окованныхъ, съ камнями при нѣкоторыхъ - 11.

Крестовъ серебрянныхъ и деревянныхъ въ серебрянномъ окладѣ, въ томъ числѣ одна серебрянная доска, съ рѣзнымъ въ ней деревяннымъ крестомъ, и таблица серебрянная, вызолоченная, на которой изображены Покровъ Божія Матери и Воскресенія Христова - 37.

Лампадь всякихъ серебрянныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты - 29.

Паникадилъ большихъ серебрянныхъ - 4.

Потировъ серебрянныхъ, дискововъ, звѣздцъ, лжицъ, чашъ, чарокъ, сіяльниковъ, кумановъ, кадилицъ, кружекъ и прочаго тому подобнаго - 139.

Подсвѣчниковъ - 40.

Вѣнцовъ и коронъ - 69.

Шать, или ризъ на иконахъ, серебрянныхъ и вызолоченныхъ - 16.

Царскія двери совсемъ слитыя изъ серебра и вызолоченныя, длиною въ косовую сажень - 1.

Медалей золотыхъ, большихъ и малыхъ, жалованныхъ Запорожцамъ за заслуги и при особыхъ случаяхъ, червонцевъ къ иконамъ привѣшенныхъ, всего - 157.

Жемчугу мѣлкаго и крупнаго на иконахъ, нитокъ - 37.

Орѣховой наложецъ, черепашками и перловыми репейками оправленный, отъ Іерусалимскаго Патріарха въ Запорожскую Сѣчь присланный - 1.

Ризъ и стихарей драгоцѣнныхъ, парчевыхъ и бархатныхъ съ орарями, подризниками, поясами и поручами, болѣе - 300.

И такъ всѣхъ вещей - 841.

6) Въ Сѣчи Запорожской хотя и были дѣйствительно монастырскія, присылавшіяся сюда изъ Кіево-Межигорскаго монастыря, однакожь монастыря тутъ въ собственномъ значеніи не было, а былъ таковой, "войсковымъ" называвшійся, на рѣчкѣ Самарѣ, который и до-сихъ-поръ существуюя, именуется самарскимъ. Описаніе сей обители изложено въ особенной книжкѣ изданной въ Одессѣ, въ 1838 году, подъ названіемъ: "Истори-

ческая Записка, о Пустынно-Николаевском Самарском монастырѣ," 68 стр. in 8 гр.

7) О причинѣ названія Половицы симъ именемъ, много бываетъ разговоровъ между Екатеринославцами, любящими и понимающими цѣну старины. Большая часть изъ нихъ полагаютъ, что Половица названа такимъ образомъ отъ самага перваго ея обывателя, который вбродно прозывался Половикъ. Такъ точно и другія многія селенія по Екатеринославской губерніи отъ своихъ коренныхъ жителей имя свое заняли. Напримѣръ: Гупаловка отъ Гупала, Котовка отъ Кота и проч.

8) Домъ лѣкаря Роде, находится противу нынѣшней Екатеринославской Семинаріи, которой и принадлежитъ, на другой только сторонѣ дороги, лежащей между семинаріею и домомъ Роде.

9) Мельницы тутъ теперь ни какой нѣтъ и быть не можетъ, потому, что вода въ каждое лѣто оскудѣваетъ такъ, что по дну пролива бѣдятъ въ сухое время на телбгахъ и собираютъ для строеній подводный камень: чего прежде нельзя было дѣлать, по всегдашнему великому изобилію воды и по стремительному оной теченію. По причинѣ сей и предполагалъ Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ, сдѣлать тутъ подъемный мостъ, чтобы чрезъ оный ходить съ праваго берега Днѣпра на такъ называемый островъ Монастырскій, гдѣ располагалъ учредить Екатеринославскій Университетъ. Строенія университетскаго въ Екатеринославѣ не начинали: но профессоры для оного дѣйствительно уже назначены были; и получали изъ казны жалованье. Въ томъ числѣ состояли: профессоръ Сельскаго Хозяйства, М. Левановъ, авторъ "Наставленія къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлію", изд. въ Санкт-Петербургѣ, 1788 года въ 2-хъ частяхъ, in 8 гр. Сартій, титуловавшійся директоромъ Екатеринославской музыкальной академіи и др.

10) Есть точно и нынѣ тутъ деревья. Они довольно толсты и высоки - осокорь, по большей части. Вода весною ихъ подмываетъ; оттого они падаютъ, и тѣмъ годъ отъ году убавляются, тѣмъ паче, что немалое число деревьевъ, въ предыдущихъ годахъ, по распоряженію городского начальства, срублено.

11) Столбъ каменный точно есть.

12) Повѣствователь здѣсь погрѣшаетъ. Новороссійска на устьѣ рѣчки Самары никогда не было, а былъ Екатеринославъ, губернской городъ Азовской губерніи. Сей Екатеринославъ вовсе упраздненъ, и поставленъ вмѣсто его, на самомъ Днѣпрѣ, другой Екатеринославъ, который и нынѣ тамъ существуетъ. Онъ то переименованъ былъ при Императорѣ Павлѣ въ Ново-

россійскъ, но при Государѣ Императорѣ Александрѣ получилъ прежнее свое имя.

13) Прибытіе Государыни Императрицы Екатерины II, въ здѣшнюю Украину было въ 1787 году. Тогда и заложена въ Екатеринославѣ соборная Преображенская церковь.

14) Ошибка относительно года путешествія Императрицы замѣчена выше.

15) Таковая миля находится и въ Екатеринославѣ, подлѣ Соборной Преображенской церкви. Она стояла на земляномъ курганѣ, который потомъ въ 1834 году срытъ, и миля, вмѣсто того, обдѣлана камнемъ съ желѣзнымъ балюстрадомъ.

16) Церковь сія дѣйствительно хотя и сооружена въ 1834 году, по повелѣнію Государя Императора Николая, написавшего собственноручно: "быть тутъ церкви, гдѣ она заложена Императрицею Екатериною". Однакож сооружена гораздо въ меньшемъ, противу заложенной, размѣрѣ. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви обнесено оградой, гдѣ небольшой монументъ поставленъ Императрицѣ Екатеринѣ, изъ мраморнаго камня, вывезеннаго изъ древняго Херсонеса, что въ Крыму.

17) Мѣсто палатки для походной полковой церкви и теперь еще примѣтно.

18) Повѣствователь и здѣсь, подобно выше сказанному, ошибается. Ковчежець съ серебряною и золотою монетою, начиная отъ пятачка до имперіала, поставленъ былъ не на мѣстѣ долженствовавшаго быть церковнаго престола, но въ основаніи самой передней стѣны противу алтаря. Изъ сего основанія ковчежець оный, при новой закладкѣ той-же церкви, въ меньшемъ размѣрѣ, извлеченъ, чтобы положить его подъ основаніе новое. Такъ точно и здѣлано, тѣмъ самымъ порядкомъ, какой примѣченъ присвоеручной закладкѣ церкви Государынею Императрицею. Не граммата царская найдена тутъ, но мѣдная доска, густо позолоченная, с приличною времени и обстоятельствомъ, надписью. Сія самая доска положена опять въ основаніе церковное съ ковчежемъ и другою надписью, времени также приличною. За истинну свидѣтельства сего ручается свидѣтель, потому, что самъ онъ былъ, по благоугодіи Господней и дѣйствующимъ лицомъ, при второй закладкѣ, при строеніи церкви и при самомъ освященіи оной. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви, обнесено оградой.

19) Кременчугской губерніи не было, но была Новороссійская, коея главное управленіе находилось въ Кремен-

чугб: отъ чего сей городъ и считался губернскимъ, по актамъ не бывши таковымъ. По упраздненіи Новороссійской губерніи, въ одно время съ упраздненіемъ Азовской, когда двѣ сіи губерніи слились въ такъ называемую Екатеринославскую, съ учрежденіемъ губернскаго города Екатеринослава, на Днѣпрѣ, въ то время Кременчугъ, упразднившись отъ сказанныхъ начальствъ, губернскихъ помѣщеній, пересталъ и называться губернскимъ. Городъ Екатеринославъ хотя учреждень уже былъ повелѣніемъ Государыни Императрицы, не скоро однако могъ быть построенъ: посему, между тѣмъ, какъ строился, губернское начальство выведенное изъ Кременчуга помѣщалось въ мѣстечкѣ Новые-Кодаки, которое по этому и было въ цвѣтушемъ состояніи, имѣвъ не мало и церквей. Нынѣ Кодаки въ самобѣднѣйшемъ состояніи, тѣмъ худшемъ, что вмѣсто травы, росшей прежде во кругъ его, обсыпался нынѣ весь пескомъ.

20) Рвы сіи дѣйствительно и теперь тутъ видны.

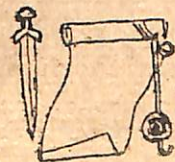
21) Старый-Кодакъ равно какъ и Новый стоялъ на одномъ и томъ-же берегу Днѣпра въ разстояніи одинъ отъ другаго верстъ около десяти. Между ними расположенъ нынѣшній Екатеринославъ. Въ Старомъ-Кодакѣ слѣды описываемой земляной крѣпости и теперь еще видны. Тутъ указываютъ одинъ не малой величины камень, на которомъ бесѣдовалъ, якобы, Петръ Великій.

22) Все это Коржево преданіе очень темно здѣсь, намѣкаетъ что-то на завоеваніе Ермакомъ Сибири, и занятіе Днѣпровскихъ острововъ Евстафіемъ Дашкевичемъ и Предиславомъ Ланцкоронскимъ, а далѣе, на Богдана Хмѣльницкаго.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ

Предисловіе	3
О жизни Н. Л. Коржа	5
О началѣ селенія Михайловки	7
О Запорожской Сѣчи	10
Права Запорожскія и законы	12
О смертныхъ казняхъ преступниковъ	17
О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ	20
Объ атакованіи Сѣчи	29
О началѣ города Екатеринослава	35
О путешествіи Императрицы	38
О радугахъ и фигурахъ Запорожскихъ	46
О стародревнихъ Запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ еще до атакванія Сѣчи	50
Примѣчанія	56

Отъ Сѣчи Запорожской

Устное повѣствованіе,
бывшаго запорожца,
жителя Екатеринославской
губернии и уѣзда,
селенія Михайловки,
Никиты Леонтьевича Коржа

Ответственный за выпуск М. Скорык

Специалист компьютерной верстки В. Вовк

Подписано в печать 29.06.91г. Формат 84 x 108^{1/32}. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,86. Уч.-изд. л. 3,85.
Тираж 15.000. Заказ № 1-8537. Цена для подписчиков газеты "Собор"
1 руб. 00 коп. Розничная цена 3 руб. 00 коп.

Набор и верстка выполнены в газете "Собор", 320004,
г. Днепропетровск, пр. Кирова, 2. Типография издательства "Зоря",
320079, г. Днепропетровск, ул. Журналистов, 7.

320018 г. Днепропетровск, ул. Журналистов, 7.
"Собор" издательство "Зоря", г. Днепропетровск, пр. Кирова, 2.
Набор и верстка выполнены в газете "Собор", 320004, г. Днепропетровск, пр. Кирова, 2.

Цена для подписчиков газеты "Собор" 1руб.00 коп.

Розничная цена 3 руб. 00 коп.

